

Татьяна Вяземская

ЗОВИТЕ МЕНЯ РОКСОЛАНА

ПЛЕННИЦА ВЕЛИКОЛЕПНОГО ВЕКА

Татьяна Вяземская

**Зовите меня Роксолана.
Пленница Великолепного века**

«Яуза»

2014

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос-Рус)6

Вяземская Т.

Зовите меня Роксолана. Пленница Великолепного века /
Т. Вяземская — «Яуза», 2014

Не смотрите на ночь глядя сериал «Великолепный век» – не то проснетесь в теле славянской пленницы, которую гонят на продажу в Стамбул! Сможет ли наша современница выжить в султанском гареме и среди дворцовых интриг Блистательной Порты? Станет ли московская студентка легендарной Роксоланой – не просто наложницей, а законной женой и соправительницей Сулеймана Великолепного? Похож ли реальный «Великолепный век» на то, что показывают в телесериалах? И удастся ли Роксолане из будущего изменить ход истории?

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос-Рус)6

© Вяземская Т., 2014
© Яуза, 2014

Содержание

Авторское предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	33
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Татьяна Вяземская

Зовите меня Роксолана.

Пленница Великолепного века

Авторское предисловие

Роксолана – фигура явно неоднозначная. Любой, кто поищет информацию в Интернете (и откроет больше трех ссылок), наткнется на прямо противоположные мнения. От «кровавой султанши», убившей детей от соперниц чуть ли не собственными руками, до «ласковой и веселой любимицы всего гарема» (ну как же, ведь имя Хюррем означает не только «смеющаяся», но и «приносящая радость»). Ее показывают истеричкой (и, уж простите за нелитературное выражение, «хабалкой» – именно такое ощущение у меня осталось после просмотра первой серии сериала «Великолепный век») и, наоборот, тихой расчетливой сволочью, которая, в отличие от Махидевран, не устроила ни одного скандала, благодаря чему и смогла добиться такого положения.

Русские и украинцы не могут простить ей того, что: не повлияла на политику Сулеймана и не предотвратила войн против Венгрии и Молдавского княжества, что не прекратила набегов крымских татар на славянские села – русские, украинские, польские, – а ведь Крымское ханство было официально союзником, а неофициально – и вассалом Османской империи.

Турки – за то, что неверная, рабыня, проданная за деньги, смогла стать *официальной женой*, а спустя какое-то время – и единственной женщиной для султана (кстати, и это тоже ставят под сомнение, заявляя, что последняя дочь Сулеймана и Михримак Разие-султан родилась почти одновременно с третьим сыном Роксоланы; впрочем, другие источники утверждают – что почти одновременно с первым, а третьи – что все-таки раньше на несколько месяцев, чем первый сын Хюррем). Известно также, что после официальной женитьбы на Роксолане султан сделал и вовсе неслыханную вещь – распустил гарем.

Утверждают, что именно она является автором идеи отрезать евнухам «все полностью». Хотя, во-первых, такое практиковалось еще в Древней Греции, да и при дворце османских султанов уже существовало (по крайней мере, при Мехмеде II, Мехмеде Завоевателе, который приходился султану Сулейману прадедом, в гареме охрана женщин уже была поручена черным евнухам, а известно, что сделано это было как раз потому, что черные мальчики легче переносят полную кастрацию, чем белые); во-вторых – взрослые евнухи такую операцию просто не перенесли бы (такую кастрацию могут выдержать только мальчики, у которых еще не началось половое созревание, да и то смертность очень высока, поэтому евнухи стоили дороже наложниц); ну и наконец – ей-то, женщине, какое было до этого дело? Да и как-то не вяжется с навязываемым образом «кровавой стервы»: по идее, как раз должна была молчать на эту тему и радоваться, когда кого-то из наложниц «застукивали» с евнухом (евнухи, у которых не был удален пенис, вполне себе могли заниматься сексом), ведь это такой классный способ избавляться от соперниц!

Утверждают, что валиде умерла от яда – через короткий промежуток после того, как выступила против Роксоланы. Правда, почему-то этот источник именуется валиде «Хамсе», в то время как на самом деле ее звали Айше Хафса. Угу, только валиде умерла в возрасте почти пятидесяти пяти лет, сама Роксолана скончалась в возрасте примерно пятидесяти двух – ну, продолжительность жизни тогда была совсем не такой, как сейчас. Или, может, она заодно и себя отравила? Кстати, одни и те же источники говорят о том, что Хюррем смогла добиться официального замужества только после смерти валиде, при этом также упоминают, что свадьба

Сулеймана и Хюррем, согласно записям иностранных посланников, состоялась в 1530 году, а валиде умерла в 1534-м.

И одиннадцатилетнюю дочь она выдала замуж за пятидесятилетнего старца... На самом деле Михримах было 17, Рустему-паше, ее мужу, – 39, и был он весьма представительным мужчиной (согласитесь, и сейчас такие браки случаются, и вовсе не обязательно при этом девушка выходит замуж из-за денег или чтобы сделать карьеру: ну, влюбляются молоденькие девчонки в солидных импозантных мужчин, так было и так будет всегда).

И зятя использовала, чтобы убрать ненавидимого ею старшего сына Сулеймана от Махидевран – шехзаде Мустафу, поскольку хотела видеть на престоле собственного сына. Тут настаживает одна вещь: а кто ей мешал «убрать» неугодного наследника престола, пока он был маленьким (детская смертность в те годы была понятием практически привычным)? Почему ждала, пока ему исполнится тридцать восемь? Чтобы он успел обзавестись наследниками и чтобы поубивать побольше народа, что ли? И не логичнее ли предположить, что Мустафа и в самом деле был замешан в заговоре против своего отца, поскольку тот неоднократно – еще при живом старшем сыне! – упоминал, что хочет видеть правителем своего сына от Роксоланы Мехмеда, а после его скоропостижной смерти (спрашивается, почему в этой смерти не усмотрели руку другого заинтересованного лица – Махидевран?) – другого сына, Баязида.

А даже если и виновна в смерти Мустафы – предлагаю женщинам поставить себя на место Роксоланы: в стране существует «милый» обычай – каждый султан, вступая на престол, убивает всех возможных конкурентов, то есть братьев, их сыновей и так далее. Если бы на престол сел один из ее сыновей, существовал шанс, что остальные останутся живы (кстати, в результате Баязид был удушен по приказу отца; стало быть, смерть Мустафы, инспирированная отцом, на руку Роксолане, а смерть Баязида – кому на руку она?). А если бы на престол сел «чужой» сын, она бы запросто осталась без сыновей. Какая бы мать не кинулась спасать – любыми доступными ей средствами?

Одного, пожалуй, никто не оспаривает: она и в самом деле была очень умна. Это ей также вменяют в вину: дескать, при таком-то уме можно было... Послов принимала, даже уговорила мужа, чтобы с нее портрет написали (она, пожалуй, единственная из «султанш», чье изображение дошло до нас; ее портрет писал даже Тициан), а повлиять на политику не могла? Благотворительностью, говорите, занималась? Так это она грехи замаливала!

Почему-то во многих источниках рядом с именем Махидевран стоит титул «хасеки», хотя известно (не со стопроцентной вероятностью, но близко к тому), что титул «хасеки» Сулейман придумал именно для Хюррем?

Я не хочу сказать, что Роксолана была «белая и пушистая», я хочу сказать только о двух вещах: во-первых, неизвестно, что происходило на самом деле, а что было приписано досужими сплетниками. Ни сама Хюррем, ни ее муж султан воспоминаний не оставили – не принято было тогда вести дневники или писать мемуары, а все остальные могли черпать информацию из источников, не очень-то заслуживающих доверия.

А во-вторых – неизвестно, как бы повели себя вполне современные, «демократически настроенные», осуждающие «кровавую султаншу» девушки и женщины, попади они в такие условия.

Глава 1

– Пока, Рыжая!

– Пока!

Стаська помахала приятелям рукой и побежала к дому.

Бегом взлетела на третий этаж – она все делала вот так, бегом, вприпрыжку. За что ее неоднократно ругали подруги: и сверхсерьезная Лена Уткина, и кокетливая Шурочка Украинцева – каждая из них считала, что Стаська ведет себя «не по возрасту».

То и дело она слышала: «Стася! В нашем возрасте уже...» В нашем – это в восемнадцать! Подруги считали, что в этом возрасте уже неприлично лазить через забор с компанией однокурсников, постоянно ходить на занятия в джинсах и кроссовках и ходить на тренировки по пейнтболу.

«В нашем возрасте» полагалось делать прическу, а не стягивать волосы в хвост, носить короткие юбки и обувь на каблуках и заниматься не пейнтболом и тяганием гантелей, а степ-аэробикой или большим теннисом, не хлопать при встрече парней по плечу, а мило подставлять щечку и смеяться несмешным шуткам, вместо того чтобы, наморщив нос, сообщать, что этому анекдоту уже тысяча лет.

Периодически Стаську воспитывали и мамы подруги; впрочем, тут уж заступалась мама – чтобы потом повторить все то же самое, что два часа назад произносили тетя Инна и тетя Альбина.

Сегодня, похоже, тоже предполагался воспитательный процесс: открыв двери своим ключом, Стаська услышала в гостиной голоса маминых подруг. Впрочем, включенным был и телевизор, так что оставалась еще надежда, что на Стаську «мадамам» не хватит времени.

– Стась! Это ты? – прокричала мама.

Нет, это султан турецкий! Кто же еще может дверь своим ключом открыть, если Стаська с мамой вдвоем живут!

– Здрасьте, тетя Альбина!

Тети Инны не имелось – мать с Альбиной заседали вдвоем. Если честно, Стаська бы предпочла приход тети Инны: та, как преподаватель математики, по крайней мере, не заводила бесконечную песню на тему: «Зачем ты, девочка, в Политех пошла, это же совсем не женский институт!»

По настоянию тети Али она в свое время изучала древнегреческий, потом – итальянский. С одной стороны: ее слегка напрягало, что ее заставляют заниматься тем, чем не хочется. С другой – она достаточно быстро втягивалась и начинала получать от занятий удовольствие: все преподаватели отмечали, что способности к языкам у нее просто поразительные.

Правда, когда пришла поступать в вуз, Стаська все-таки настояла на своем и выбрала политех, что тетю Альбину очень сильно обидело. К счастью, долго обижаться она просто не умела.

– Мой руки и иди кушать! – велела мама. Угу, а то она в восемнадцать не соображает, что сперва руки надо вымыть. Ну да у мамы бывают такие «приступы материнской заботы», во время которых она, кажется, забывает, сколько лет ее дочери.

– Ну ты смотри, какая красавица выросла! – Тетя Альбина встала, «клюнула» Стаську в щеку и тут же без всякого перехода продолжила: – На кого ты, мать моя, похожа!

– На папу, – попробовала отшутиться Стаська.

Тетя Альбина нахмурилась и покачала головой:

– Не ври! Твой отец всегда за собой следил! Такой был импозантный мужчина! – Она закатила глаза, а Стаська покосилась на маму. Сама она отца не помнила – он умер, когда ей

было шесть, но для мамы эта тема до сих пор больная, и не очень-то тактично со стороны тети Альбины... Впрочем, она сама начала.

– А ты?! Что это за прическа? А? Тебе что – десять лет? Что это за «хвостик»?!

– В десять я носила косичку, – снова попробовала перевести разговор в шутку Стаська.

Но тетя Альбина была настроена решительно:

– Уж лучше бы ты и сейчас косичку носила! Так хотя бы на девушку была похожа! На «синий чулок», правда, но все равно – на девушку! А так что?! Тебя со спины вообще за парня можно принять! Хвостик, джинсики, кроссовочки... Марина, это ты виновата! – Теперь «указующий перст» маячил перед носом Стаськиной мамы. – Ну что это за имя такое – Стаська?! Ей что, три года, что ли? И ведь у нее такое красивое имя: Анастасия! Миллион вариантов, миллион! Настя, Настенька, Настена, Настуся... Так нет – какое-то дурацкое Стася! Где вы его откопали-то вообще?!

Именем Стаська была обязана отцу: он был в восторге от актрисы, сыгравшей Анастасию Ягужинскую в фильме о гардемаринах, вот дочь и получила «редкое и прекрасное имя».

Правда, папа почему-то не подумал о том, что от фильма в восторге не он один и что только в их дворе уже обитают восемь Насть разных возрастов. Видимо, только девятой и не хватало для полного подтверждения редкости имени.

Когда Настя пошла в садик и выяснилось, что в группе Насть четверо, она затребовала у мамы, чтобы та придумала ей новое имя. Мама и придумала. Папа возражал, но не слишком. Так и называли: мама – Стасей, Стаськой, а папа – Анастасией, а еще – звездой.

Саму Стаську такая интерпретация ее имени устраивала более чем, да и друзей ее – тоже. А вот тетя Альбина считала, что восемнадцатилетнюю девушку звать каким-то «пацанячьим» именем просто неприлично.

Она распространялась на эту тему еще минут пятнадцать – Стаська за это время успела почти наесться; это, кстати, стало новой «воспитательной темой» для тети Альбины:

– Почему ты так быстро ешь, Настя? Это некрасиво!

– Тетя Аля, у меня просто нет времени, простите, но мне сейчас срочно надо... курсовик писать. – Про курсовик сочинилось на ходу, но сидеть тут и выслушивать нравоучения не хотелось.

– Точно? – Тетя Альбина прищурилась. Она вообще считала себя очень проницательной особой и весьма этим гордилась. – А вот я в твоём возрасте сама курсовиков не писала! За меня их делали мальчики! И это при том, что на нашем потоке мальчиков было всего трое, а девчонок – сорок с лишним! А ты, радость моя, похоже, совсем мужчинами манипулировать не умеешь!

Спорить было глупо, но сдерживать свой язык Стаська не умела никогда.

– А по-моему манипулировать кем-то – вообще непорядочно.

Тетя Альбина высоко подняла подщипанные брови:

– Да? И ты никогда-никогда этого не делала?

Стаська уже совсем было открыла рот, чтобы ответить отрицательно, да точно так же и закрыла. Разве не она вчера строила глазки Димке Мельникову, чтобы он уступил ей свою очередь пострелять? И разве это не манипулирование?

– Это надо уметь! – Тетя Аля назидательно подняла указательный палец с длинным ногтем ядовито-розового цвета. – Причем так, чтобы тебя не заподозрили в манипулировании! А ты – пацанка, да и только. Марина, – она снова повернулась к маме, – ты должна что-то делать! А то мы ее никогда замуж не выдадим!

Мама подмигнула Стаське, и та ретировалась из комнаты. Предстояло просидеть в четырех стенах часа четыре – меньше тетя Алевтина никогда не гостила.

Но – не в этот раз. Минут через сорок мать позвала Анастасию попрощаться с гостьей.

– Девочка моя! – Мамина подруга несколько раз поцеловала ее в щеки. – Ты ведь такая красавица! И совершенно не умеешь своей красотой пользоваться! Если подчеркнуть то, что надо, и скрыть то, что не надо, ты вообще сто очков форы дашь любой голливудской красотке!

Стаська разубеждать тетю Алю не стала: сто очков – так сто. Правда, после того как за гостей закрылась дверь, она принялась разглядывать себя в зеркало. Лицо как лицо: нос, два глаза и рот. Лоб высокий – «мужской», как сказала тетя Алевтина, рекомендуя сменить прическу и прикрыть лоб челкой. Нос – острый. Рот? Ну да, рот – ничего, только все девчонки, которые помадой пользуются, рисуют себе губы не хуже. Волосы – да, волосы просто роскошные. Подруги говорят – «золотые». На самом деле рыжие, конечно. Она в детстве сильно переживала, что одна рыжая в группе садика, но мама сказала: своей непохожестью гордиться надо, а не переживать. Вот она и гордилась. И даже когда в первом классе две девочки попытались поддразнить, сообщив, что она «рыжая-бестыжая», она гордо ответила, что волосы у нее – червонного золота (правда, потом пришлось у мамы узнавать, что же именно означает это выражение), а дальтоники ей просто жаль. Девочки, видимо, слова «дальтоник» не знали, потому притихли, и больше Стаську никто и никогда из-за цвета волос не дразнил.

– Что, любишься? – поехидничала мама.

Стаська смолчала.

– Я пойду сериал смотреть.

– Опять «Великолепный век»?

Сериал этот Стаське не нравился, хотя целиком она ни одной серии так и не видела. Героиня не нравилась. «Наша соотечественница, наша соотечественница...» – ну, чем тут, спрашивается, гордиться? Тем, что, попав в звериное логово, сама таким же зверем стала? Что по ее приказу убили ни в чем не повинного мальчика, сына ее соперницы? Вот интересно: Бориса Годунова, который то ли отдавал приказ прирезать царевича Дмитрия, то ли нет, считают детоубийцей. Он, стало быть, сволочь, за власть ухватился, а законного наследника ради этого прирезал. А Роксолана? Убила чужого ребенка – ладно, может, детей своих спасала, а то благодаря османской традиции он, когда стал бы султаном, всех единокровных братьев-конкурентов велел бы придушить, заодно и вместе с их потомками, дабы других законных претендентов на престол просто не было. Ну, да, женщина-тигрица любой ценой спасает свое потомство... А как она со своими собственными сыновьями поступила? А с мужем? И почему-то она при этом является национальной гордостью. Нелепость!

Впрочем, Стаськина мама так не считала.

– Ты судишь по книге, – всегда говорила она. – А в книге, во-первых, авторский вымысел присутствует. А во-вторых – ты же не знаешь всех ее обстоятельств!

– Какие могут быть обстоятельства, чтобы натравливать сыновей друг на друга? – всегда отвечала Стаська.

И на этом их спор обыкновенно заходил в тупик, потому что переубедить друг друга спокойно не удавалось ни одной, ни другой обе срывались на крик, потом ссорились и до утра друг с другом не разговаривали.

Кстати, книгу Стасе именно мама и дала прочесть. Хотела приобщить, так сказать. Сама она, учительница истории, изо всех сил старалась приобщить дочь к любимому предмету. Так что пока сверстницы читали сперва о приключениях, а потом – о любви, Стаська осилила кучу книг об известных исторических персонах. И художественных, и документальных. Нельзя сказать, что это принесло ей хорошее знание истории. Скорее, наоборот: девочка увлеклась вдруг математикой и физикой и однозначно решила, что будет получать техническую специальность. Правда, по истории Стаська всегда имела твердую пятерку, но знания получались какими-то разрозненными. То есть, к примеру, она хорошо знала историю Генриха IV, а Генриха III – уже намного хуже, к тому же для нее стало настоящим откровением, что, оказывается, английская королева Елизавета I правила примерно в то же самое время, ведь к ней сватался герцог

Анжуйский, да и сама она рассматривала вариант выхода замуж за принца Бурбона, будущего Генриха IV. А что самое интересное – на ней собирался жениться и Иван Грозный! Что вообще как-то в голове не укладывалось: во Франции уже Генрих III, а у нас – еще Иван Грозный! И это при том, что даты основных исторических событий она знала – мама выучить заставила. Просто пазл никак не хотел складываться в общую картинку. То ли она была не приспособлена к занятиям историей, то ли – мама переборщила с «прививанием любви» к предмету, который обожала сама.

Именно этот аргумент сейчас мать и выдвинула:

– Ты же не умеешь строить причинно-следственные связи! Какое ты имеешь право осуждать ее, не зная точно, что именно было, а что просто дописали любители посплетничать?

– А какое право есть у тебя хвалить ее, если у тебя тоже нет доказательств, что она «бела, аки агница»? – В этот раз дочь сорвалась на крик первой.

– Почему агница? – У матери в этот раз, видимо, не было сил кричать. – Нет. Она, конечно, совершала... то, чем, наверное, гордиться не приходится. Но, во-первых, ты не знаешь, что ее подтолкнуло к таким поступкам и был ли у нее выбор – поступить так или иначе. Во-вторых – мы не можем знать, сожалела она потом о своих поступках или нет.

– То есть ты думаешь, что можно сделать любую гадость, а потом просто посожалеть?!

– Я думаю, что не знаю сама, как бы вела себя на ее месте, – тихо ответила мама. – И ты не знаешь.

– Знаю! – Стаська уже завелась, и ее было не остановить. – Я бы уж если обзавелась таким влиянием, то, по крайней мере, постаралась бы его употребить на пользу своей Родине.

– Да? – Мама вздернула брови, точь-в-точь как тетя Алевтина, и это еще сильнее вывело Стаську из себя. – И какой именно Родиной?

Вопрос застал девушку врасплох. И в самом деле – какой? История утверждает, что будущая Роксолана родилась в Рогатине. В те времена эти земли находились «под рукой» польского короля. До того – относились к вотчине Галицких князей. После польского владычества наступило время владычества австро-венгерского. Кому именно помогать? Полякам? Русским? Христианам против мусульман?

– И как? Как именно помогала бы?

Ну, на этот вопрос Стаська могла ответить хоть как-то.

– Ну, я бы постаралась, чтобы османы не воевали со славянскими племенами.

– Ага, то есть венгры, которых турки уничтожали нещадно, на твой взгляд, хуже, верно?

– Ну... Нет, не хуже, конечно. Но, может быть, османы вообще прекратили бы воевать...

Мама рассердилась.

– Настасья, ты, вроде, уже взрослая девочка, а такой вздор городишь! Во-первых, не они бы нападали – так на них. Век такой был, все всё время воевали. Во-вторых – ты уж больно преувеличиваешь «роль личности в истории». Прямо вот так пришла новая Роксолана, повлияла на мужа, и тут – бац! – и все войны в регионе прекратились? Честное слово, смешно просто... Кстати, знаешь, мои студенты программку одну написали, которая вроде бы моделирует, как развивались бы события, исключи из них вот эту самую «личность». Наполеона исключили, так война все равно случилась, правда, Австрия на Францию первой напала.

– А может, твои студенты лажу сделали, – огрызнулась дочь. – Откуда ты знаешь, по каким принципам их моделирование проводилось?

– Может, и лажу, – неожиданно согласилась мать. – Все равно прикольно. Я им зачет поставила. За оригинальность мышления. А тебе бы не поставила. Нету в тебе оригинальности, дорогая моя. Ты вот говоришь, что постаралась бы на ход событий повлиять. А как? Ты что, достаточно хорошо историю знаешь, чтобы просчитать, во что в результате какой-нибудь твой поступок выльется? Я – и то бы не рискнула стараться повлиять на что-то в длительной

перспективе, хотя, в отличие от тебя, могу сказать, какие исторические события привели к каким последствиям.

– Ты просто побоялась бы рискнуть. – На самом деле дочь понимала, что мама права, но умение вовремя прекратить спорить никогда не было ее сильной стороной. – А я вот не побоялась бы.

– Ага, – мама кивнула. – «Делай что должен, и будь что будет». Только вот расхлебывать за такими «деятелями» обычно приходится детям и внукам. Правда, тебя бы уже тогда не было в живых. Кстати, чем ты – с такими-то мыслями – лучше Роксоланы?

– Тем, что я бы не для себя старалась, – огрызнулась девушка. – Я бы, если бы заставляла что-то султана делать – так не для своей же корысти!

– А как это вообще согласуется с твоей теорией о том, что манипулировать людьми бесчестно?

Ответить на это было нечего. Но Стаська решила не сдаваться.

– Да, может, ты и права. Может, я и не стала бы манипулировать. Просто постаралась бы султану на глаза не попасться, вот и все.

– Ну и прожила бы жизнь обычной рабыней. Сперва объедалась бы в гареме, а может, прислуживала более удачливой конкурентке. А потом...

– А мне все равно, что потом, – перебила Стаська. – Я думаю, лучше уж прожить жизнь рабыни, чем убийцы.

Мама горько хмыкнула.

– Ты – и жизнь рабыни? Что-то я раньше в тебе такого смирения не замечала.

– Ну и что, – поджала губы девушка. – Ну и не смирилась бы. Может, сбежать бы попыталась...

Мать покачала головой:

– Стась, не заставляй меня думать, что твоя оценка по истории в аттестате получена тобой незаслуженно. Сбежать? Из Сада Наслаждений?

– Все равно! Ну, не сбежала бы. Все равно так лучше, чем идти к своей цели по трупам.

– Ты только что говорила, что ради благой цели могла бы.

– Я такого не говорила! И вообще – не старайся меня запутать!

– А я и не стараюсь, – устало вздохнула мать. – Ты сама себя запутала. Да, кстати, не обольщайся: на месте Роксоланы ты бы ничего сделать и не могла.

– Чего это? – сразу насторожилась Стаська. Скажи ей подобное любой другой человек – она бы посчитала, что ее хотят унижить. Но мама никогда не обижала ее специально. Ну, разве что само собой получалось, когда она просто говорила то, что думает о своей дочери.

– Потому что Роксолана была на самом деле незаурядной личностью, – мать махнула рукой. – Мастером манипуляций, если хочешь. По-другому она бы не стала тем, кем стала. Понимаешь? Рабыня – женой султана. Не наложницей, а именно женой! Практически единственной женщиной в его жизни – он...

– Мама, твоими стараниями ее... биографию я знаю достаточно неплохо.

– Прости. Просто, ты же знаешь, это одна из моих любимых тем. Но она в самом деле – женщина, заслуживающая уважения. Женщина, которая сама себя сделала.

Стаське вдруг стало скучно.

– Мам, я не хочу с тобой спорить. Все равно ни к какому общему знаменателю мы не придем.

На экране поводила роскошными плечами хасеки Хюррем, одетая в невообразимо роскошное платье. Мама почему-то смотрела в стенку.

– Ма, ты чего?

Та пожала плечами:

– Почему-то на секунду подумалось...

– Что?

– Да так, глупости. Спокойной ночи, Стаська.

– Нет, ма, скажи!

– Подумалось, что не хотела бы я для тебя такой судьбы. Султанша, великая женщина, практически – соправительница... А все равно не хотела бы, нет.

Стаська засмеялась и чмокнула ее в нос.

– Ма, да мне это и не грозит! Сейчас уже никто никого ни в какие гаремы не продает. Кстати, ты как думаешь, как ее на самом-то деле звали? Анастасия или Александра?

Мама усмехнулась:

– Не знаю. Я настолько привыкла, что она Анастасия, что когда узнала, что у нее могло быть и другое имя, попросту не восприняла его. Да какая разница? Большую часть жизни ее звали Хюррем, так что именно это имя и есть настоящее. А почему ты спросила?

Дочь пожала плечами:

– Не знаю. Просто так. Ну, спокойной ночи! Не сердись, хорошо?

Мама кивнула:

– Не сержусь.

В своей комнате она засела за Интернет. Хюррем хасеки Султан, ее грозная свекровь Хафса Айше, у которой на самом деле было четверо сыновей, а никак не один; лукавый Ибрагим – то ли грек, то ли итальянец, который способствовал заключению союза между турками и французами. Вот и союзник был бы для Роксоланы, реши она уничтожить Англию – ведь как французы к англичанам всегда относились, известно даже тем, кто с историей почти не знаком.

Сын соперницы Махидевран, который был казнен, когда ему было аж тридцать восемь – с чего Стаська, спрашивается, взяла, что Роксолана настроила своего мужа против чуть ли не подростка? Ей почему-то казалось, что Мустафе было лет шестнадцать-семнадцать...

Конечно, тридцать восемь – тоже не возраст для того, чтобы умирать. Но в тридцать восемь он и в самом деле мог что-то замышлять против своего отца. С другой стороны – замышлял ли? Или все-таки алчная женщина решила любой ценой посадить на престол именно своего сына?

Информации было много, и она была противоречивой. Ну и ладно. В конце концов, ей-то это зачем? Ну поинтересовалась, и ладно. Все равно никогда не пригодится. Разве что перед подружками «блеснуть», когда те снова сериал начнут обсуждать.

Под конец девушка запустила фильм. Она посмотрит одну серию; только одну – и будет спать. Но, конечно, выполнить данное самой себе обещание не удалось: какое там – одну серию! Вслед за первой было решено посмотреть «только половинку второй», потом – пока не наступит развязка очередной интриги...

Заснула Стаська уже под утро; правда, вставать надо было рано, но и два часа поспать – тоже неплохо, тем более что следующий день обещал быть не слишком-то сложным.

Утром по будильнику девушка не встала. Когда обеспокоенная мама решила заглянуть в комнату дочери, добудиться Стаську она не смогла. У дочери были теплые руки и ноги, но пульс едва прощупывался.

Приехавшая через несколько минут «Скорая» привести девушку в сознание не смогла, и Анастасию Самойлову, восемнадцатилетнюю студентку политеха, увезли в больницу.

Глава 2

Запах. Она пришла в себя из-за запаха. Пахло морем, солью и потом. Немытыми мужскими и женскими телами. Табаком. Какими-то специями. Прогретым солнцем деревом. Целый букет – и, что самое странное, ни на что не похожий.

Легкий ветерок погладил ее по щеке, словно мама рукой провела. Подхватил прядь волос, пощекотал по носу и...

Стаська открыла глаза. Стенка. Деревянная. А если повернуть голову... Батюшки! Море! Почему?!

– Она очнулась.

Чья-то шершавая ладонь коснулась ее щеки. Стаська дернулась и попыталась сесть. Получилось. Господи, где она и что вообще происходит?!

Она лежала, а вернее, уже сидела на сбитой из досок широкой скамье, под полотняным навесом, на палубе галеры. Впрочем, может, и не галеры, черт его знает, как назывались у турок гребные суда! Десятка два голых по пояс мужчин под звук барабана, задающего темп, то наклонялись вперед, то отклонялись назад, тягая громадные весла.

Кино. Конечно, это снимают фильм, а она играет... главную героиню?

Ага, конечно! Такие фантазии хороши в двенадцать лет, ну, в пятнадцать, а в восемнадцать девица вполне заурядной внешности, да еще и студентка не какого-нибудь там театрального института, а вполне приземленного политехнического никак не может рассчитывать на главную роль в «костюмном» фильме.

Впрочем, предположение, что она *на самом деле плывет на галере*, потому что ее... ну, скажем, похитили и везут продавать, было еще более невероятным.

– Где я?

Стоящий рядом толстый дядька в красных шароварах и жутко грязной рубаше, распахнутой до самого пупа – один-в-один пират из какого-нибудь фильма о Синдбаде-мореходе, – быстро залопотал на непонятном языке.

– Он говорит, ты наконец-то пришла в себя! Он говорит, ты очень сильно ударились.

Девушка сидела прямо на палубе, поэтому Стаська ее сразу и не заметила. По-русски она говорила с акцентом, но понятно.

Пузатый что-то еще сказал и отошел.

– Что он говорит? Где мы? И что вообще происходит?

– Ты ничего не помнишь? Бедненькая! – Девушка ласково погладила ее по голове.

Со слов Малиши – так звали новую знакомую, – их везли в Стамбул. Продавать. Они были товаром. Рабынями. И ей это не снилось. Или снилось?..

Стаська быстро ущипнула себя за ногу – сильно, с вывертом. От боли даже слезы на глаза навернулись, но ничего не исчезло: все так же бил барабан, отсчитывая ритм, все так же натужно скрипели весла, все так же глядела печальными глазами Малиша. Все было реально-стью.

– А почему я ничего не помню?

– Ты пыталась выпрыгнуть за борт. Господин Альтюг, – короткий кивок в сторону, куда отошел пузатый, – пытался удержать тебя. Ты вывернулась, поскользнулась и ударилась головой о край скамьи.

– А может, это меня господин... – Как же его зовут? Что-то похожее на «утюг». – Господин Альтюг приложил?

– Что ты! – испугалась Малиша. – Господин Альтюг не посмел бы!

– Че-е-го?! Не посмел бы?!

– Мы – особо ценный груз. Нас портить нельзя. Ты же знаешь, в отличие от других невольниц на нас даже ошейников не надевали.

– Почему? – тупо поинтересовалась Стаська.

– Потому что «презренное железо» не может касаться шеи товара, предназначенного для благородных господ.

Ах, да, что-то такое она помнила...

– А почему я пыталась покончить с собой?

Малиша приблизила свои губы к ее уху.

– Ты потребовала, чтобы остальным пленницам дали теплую одежду.

– И что? Дали?

– Ты такая странная! – Черные глаза уставились на нее с непонятным выражением. – Ты требуешь, когда не каждая осмелится попросить... Ты ничего не боишься?

Эх, знать бы, чего бояться, так и боялась бы. Что это – сон? Бред? Переселение душ? Что?

И как попасть домой, в себя, в Анастасию Самойлову, студентку-первокурсницу? Конечно, для них, совсем молодых девчонок, вырванных из привычной среды обитания и проданных в рабство, жизнь изменилась очень круто. Но в целом-то – ну, жили свободными, но полунисицами, станут рабынями... А вот для нее, человека двадцать первого века, попасть в...

– Слушай, а какой год-то сейчас?

Малиша отшатнулась. Некоторое время молчала: то ли убежать хотела – подальше от явно сумасшедшей подруги, то ли пожалеть.

– Он ведь тебя вроде и не сильно ударил, – произнесла неуверенно.

Стаська пожала плечами:

– Не знаю. Я-то не помню...

Малиша вздохнула.

– От Рождества Христова – тысяча пятьсот двадцатый. От сотворения мира...

– Достаточно от Рождества.

Тысяча пятьсот двадцатый, стало быть... Примерно тогда молоденькую Роксолану – Настю, а может, и Сашеньку Лисовскую привезли в Высокую Порту.

А может, Роксолана – это она и есть? В смысле – Стаська Самойлова?

Да нет, Господи, бред-то какой! Что за ерунда порой приходит в голову. И все же... Что с ней происходит на самом деле?

Когда-то давно Стаська урывками смотрела фильм. В нем главный герой вроде бы попадает на тридцать или даже больше лет назад. Приспосабливается к жизни и даже влюбляется в девушку. И, понятно, назад в свое время потом уже возвращаться не хочет. Правда, в результате оказывается, что «приключение» ему устроил друг, чтобы вернуть пресытившемуся всем молодому человеку вкус к жизни. Так что там все закончилось хеппи-эндом: он нашел девушку, которая оказалась его современницей, и жили они потом долго и счастливо.

Можно было бы, конечно, предположить, что ее тоже кто-нибудь разыграл. Только вот кто? Мама? Ей и в голову не придет, а потом – и денег у нас таких нет! Кто-то из подруг? К сожалению, алмазными шахтами никто из них не владеет. Да и потом, если бы она, Стаська, бредила этим временем, к примеру, – хотя бы от сериала «балдела». Так ведь нет же! А может, это постарался кто-то из поклонников сериала?

Вернее, поклонниц – вряд ли его кто-то из мужиков смотрит.

Да, она не может придумать, кому из ее знакомых могла бы прийти в голову такая идея, но ведь это еще ничего не значит! Сообразить бы, у кого «бабла» хватило бы – ведь и галера эта (а почему, кстати, галера – не дешевле было бы фелюгу придумать?), и полуголые гребцы, и турок этот колоритный – все это наверняка недешевое развлечение. С другой стороны – почему за все это обязательно должен был платить кто-то один? Может, ее приятели скинулись... С другой стороны, с чего бы им скидываться на подарок, до дня рождения еще два месяца? С

третьей – ох как мама всегда сердится, когда Стаська употребляет вот это самое «с третьей стороны»! – такой «подарочек» на день рождения был бы слишком жестокой шуткой.

Ну, ладно, пока будем отталкиваться от того, что все это – розыгрыш. Иначе придется думать, что она спятила. Чего там от нее ожидают? Ну, судя по всему – что она бросится на капитана, завладеет ножом (вон какой у него за поясом!) и, угрожая, потребует развернуть судно и плыть назад в... Словом, назад. Ну а если от нее ждут именно этого, стало быть, нужно поступить наоборот. Вы хотели розыгрыша? Хотели посмеяться? Еще посмотрим, кто посмеется! Она, Стаська, будет держаться до последнего. Пощады она не запросит! Пускай тратятся. А она посмотрит, что у них получится. И станет подсчитывать «огрехи». А потом скажет: а знаете ли вы, ребята, что ваши «сценаристы» ошиблись? И в такой сцене, и вот в этакой. Потому что в Порте в начале шестнадцатого века все было не так!

– Эй! – Малиша подергала ее за рукав. – Ты совсем не слышишь, что я тебе говорю! Идем вниз, сейчас нас купать будут.

– Покупать?

– Да не покупать, а купать! – Малиша усмехнулась. – Ты и в самом деле все позабыла!

В каюте – крохотной клетушке – было довольно жарко. Топят тут, что ли? А, ну да, жаровни!

Две девушки в металлических ошейниках, сопровождаемые рослым турком с хлыстом в руках, внесли огромную бадью с водой, следом другие две девицы втащили еще одну. Турок оглядел их насмешливым взглядом и вышел. В двери повернулся ключ.

– Давай мыться, что ли!

Малиша без стеснения быстро разделась и вошла в лохань, покрхтывая от удовольствия.

Стаська поглядела на дверь:

– А этот, с хлыстом... Он не вломится сюда?

Малиша покачала головой:

– Да нет, что ты. Он даже подглядывать побоится. Потому что ему за это голову могут срубить. Я же говорю: мы – товар исключительный. Потому за нами и уход полагается исключительный.

Стаська быстро разделась и вошла в воду. Хорошо! И температура как раз такая, как надо. А Малиша эта, между прочим, серьезный «прокол» сценаристов. Откуда она, спрашивается, все знает, а? Кстати, а почему бы и не спросить?

– Малиша, а откуда ты все знаешь? Как будто тебя уже не в первый раз продают.

Малиша усмехнулась невесело:

– Меня не продают. Меня подарили. Уже второй раз. То есть сперва, естественно, купили: один венецианский купец купил меня специально в подарок для одного очень знатного татарина, но, пока меня везли, мой господин скончался. Я его даже и не увидела. Его сын хотел сперва оставить меня для себя, а потом решил сделать подарок своему другу в Стамбуле. Теперь меня везут туда. А ты? Ты уже знаешь, кому предназначена?

Звучит правдоподобно. Ну, стало быть, сценарий розыгрыша продуман лучше, чем она думала.

– Нет, я не знаю. Может, и знала, но ничего не помню: видать, головой сильно ударилась. Малиша легко выбралась из своей лохани и подошла к Стаське.

– А шишки-то и не видно! Какие у тебя волосы красивые! Прямо как золото!

В дверь постучали:

– Надо вытираться и выходить.

Вылезать из воды не хотелось, но одеваться под жадным взглядом бородастого с хлыстом хотелось еще меньше. Изнасиловать-то он их точно не изнасилует, а вот хлыстом огреть может – он ведь «в образе»!

Мимоходом Стаська бросила взгляд в большое зеркало, висящее на стене. И остолбенела. *Фигура была не ее.* Тоньше, как-то хрупче, что ли. Тем более странно смотрелась на этой фигурке-стебельке зрелая грудь. Размер третий как минимум. Сама Стаська все время мечтала о том, чтобы ее грудь стала хоть чуточку больше, все-таки большинство девчонок из первого размера выросли еще лет в шестнадцать, а она – застряла. Правда, мама всегда говорила, что у Стаськи фигура соразмерная и что было бы странно при таком объеме всего остального иметь большую грудь. Но та девушка, которая сейчас вместо Стаськи отражалась в зеркале, имела и плечи намного уже, и талию тоньше, а вот грудь...

Стоп! Вот дура! Заиклилась на сиськах, а главное-то до нее и не дошло! Если фигура в зеркале отражается не ее, стало быть... Стало быть, никакой это не розыгрыш. Значит, ее сознание и в самом деле переселилось в другое тело?! В тело девицы, которую везут в Стамбул на продажу...

Этого не могло быть. И вместе с тем это было. Потому что лицо отражающейся в зеркале девушки тоже было совсем не таким, какое Стаська привыкла видеть по утрам. Похожее – но все же другое. Чуть изящнее нос. Чуть тоньше брови, и рисунок их другой.

– Что ты там любишься? Ну красавица, но, может, хватит уже? – пошутила Малиша.

Стаська кивнула и стала быстро натягивать одежду.

Отражавшаяся в зеркале девушка красавицей не была, однако лицо у нее было... интересное. Свое. Не из тех, что бросаются в глаза своей «неземной красотой», но и не из тех, которые, увидев, можно легко забыть. Но это утешало Стаську недолго. С таким лицом «в тени», в обычных рабынях, долго не пробудешь. Даже если «не высываться» – если не мужчины заметят, так женщины. А от них пощады – по крайней мере, судя по литературе, которую она читала, – ждать не приходится.

Как же это могло произойти?! Почему она попала в чужое тело, в чужое время?! И главное – как *вернуться*?

Ни на первый, ни, тем более, на второй вопрос ответа у нее не было.

Глава 3

Остался позади Босфор, разговорчивая Малиша, с помощью которой Стаська выучила несколько десятков сербских и немного поменьше – турецких слов.

Теперь ее «хозяином» являлся продавец «живого товара» со смешным именем Докужтут – она уже знала, что переводится это как «девять лошадиных хвостов», и всякий раз не могла удержаться от смеха при виде старика.

Она жила вместе с еще четырьмя девушками в крохотной каморке. Дни тянулись как рахат-лукум. «Дело было вечером, делать было нечего» – может, от этого бесконечного безделья и казалось ей, что снаружи сплошной, нескончаемый вечер? Они только ели и спали, и снова ели, ели, что-то сладкое, потом – что-то еще более сладкое, а потом – что-то совсем сладкое. Стаська сладкое вообще с детства недолюбливала, ей, чтобы не чувствовать себя голодной, обязательно нужно было слопать что-нибудь мясное, а тут от сладостей ее уже на второй день начало подташнивать. Она не ела, не могла просто, а хозяин появлялся, качал головой, цокал языком, после чего слуги приносили еще горы халвы, пахлавы и прочего, на что уже даже смотреть было невозможно.

Одна из девушек пояснила, что хозяин хочет, чтобы они набрали вес: красивая женщина – полная женщина, за красивую больше выторговать можно. Ну, в таком случае за нее он не получит вообще ничего – за две с лишним недели, проведенные здесь, Стаська прилично похудела. Ленку бы сюда, Уткину, вот человеку бы счастье привалило! Она-то, бедняга, не знает, на какие еще ухищрения пойти, чтобы парочку килограммов скинуть. Хотя – она-то сладкое обожает, не то что Анастасия.

Здесь она все чаще начинала ощущать себя Анастасией. Не привыкать, что ее так называют, а именно чувствовать себя. Стаська, молодая, безбашенная девчонка, любительница рок-музыки и пейнтбола, «свой парень», пацанка в драных джинсах, осталась где-то там, далеко или, вернее, давно.

Здесь же пришлось повзрослеть. Стаськи не стало, она превратилась в Анастасию, взрослую девушку, попавшую в трудную ситуацию и еще не придумавшую, как из нее выбраться. Кроме того, ей постоянно приходилось отвлекать девчонок. Смешно: когда они бесконечно сплетничали – это раздражало, а если вдруг одна начинала грустить или, не дай бог, плакать, тут же подключались и остальные – тогда Насте думалось: уж лучше бы сплетничали! И она сама подбрасывала девчонкам тему для разговора.

Все пленницы тут были славянки, и общаться с ними труда не составляло. «По-славянски» разговаривал с ними и Докужтут-ага.

Дверь вдруг скрипнула, впустив толстого, грузного, гладко выбритого человека в пышных одеждах. Не турка – это было понятно сразу. Он вошел и, заложив большие пальцы за кушак, стал покачиваться с носка на пятку, разглядывая девушек выпученными жабыми глазами.

– Глядите, большой лягух пожаловал!

Такая «естественная реакция» у нее была всегда: когда она чувствовала себя неуверенно, смущалась – сразу же начинала шутить и «прикалываться». Вот и сейчас: этот лупоглазый пилился больше всего именно на нее, и она сразу же начала «дергаться». Потому и высказалась. Впрочем, девушки хихикать не рискнули, так что скалила зубы она в гордом одиночестве.

Сюда уже приводили покупателей. Они рассматривали девушек, некоторые даже заставляли раздеваться догола. Правда, Анастасии это не коснулось: видать, не приглянулась она никому. С другой стороны – даже и лучше, все-таки не пришлось пока пройти через такое унижение...

Правда, этот толстопузый сейчас глядел именно на нее, не сводил маслянисто блестящих глаз, и под этим взглядом Настя почувствовала себя голой. В ответ устоялась так же дерзко.

Переглядеть могла кого угодно, еще в школе с девчонками на спор могла долго смотреть любому человеку в глаза.

Дверь скрипнула еще раз, впуская еще двоих: первым вошел молодой, рослый и стройный, вторым – беспрестанно кланяющийся Докужтуг-ага.

Торговец что-то сказал; что именно – она не поняла, по-турецки пока особо не понимала, но старческий палец, кривой, как высохшая ветка дерева, весьма однозначно указал в ее сторону. Значит, вот и ее время настало. Вот и ты, Стаська-Настаська, стала товаром. Куском мяса. Кому же из двоих предстояло стать ее хозяином?

Толстый и пучеглазый был противным, но при взгляде на молодого у нее по спине бежали мурашки. От страха ли? Или от каких-то невнятных предчувствий? Словом, чем к молодому – уж точно лучше утопиться.

– Сними покрывало, – велел Докужтуг-ага. Она молчала, сузив глаза. Он подошел, протянул руку и сам стащил с ее головы покрывало. Ну, конечно, товар ведь надо лицом показать! Товар... А что у нее есть, кроме волос?

– Похоже, Ибрагим, она не вполне нормальная, – повернувшись, сказал по-итальянски толстопузый молодому и захохотал – гулко, противно. – Чего она все время скалится?

– Потому что, глядя на твою рожу, не скалиться невозможно, – отрезала она, сощурив глаза. Может, жирный захочет ее ударить? Пусть только попробует!

Но жирный шутку оценил. Вернее, не саму шутку: там, признаться, и оценивать-то было нечего – оценил он то, что она еще способна шутить.

Захохотал снова, и смех его в этот раз показался Анастасии не таким уж и противным.

– Поздравляю с удачным приобретением, Ибрагим. Гляди, чтобы она тебя не покусала. Молодой шагнул вперед.

Ибрагим. Ибрагим-паша. Ближайший друг султана. Неужели он?! Неужели... неужели ей действительно предстоит стать *той самой Роксоланой*?!

Да нет, просто совпадение! Мало ли в Турции Ибрагимов...

Ага, «мало ли в Бразилии Педро».

– Я ее, возможно, для подарка беру. Еще не решил, – пробормотал Ибрагим, не отрывая от нее взгляда.

Неужели и в самом деле – тот самый Ибрагим?! Сейчас Анастасия не помнила о том, что совсем недавно – или, наоборот, давно, в другой жизни, – сидя за экраном компа, думала о том, что, если бы Роксолана, та, настоящая Роксолана, сумела найти с Ибрагимом-пашой общий язык, вместе они и в самом деле могли бы перевернуть мир. Она смотрела на молодого и, в общем-то, привлекательного мужчину и с ужасом понимала, что не воспринимает его, что называется, органически. Если бы она была собакой – у нее сейчас бы вздыбилась шерсть по хребту.

Ляпнуть бы еще что-нибудь – обидное, злое, все равно что, – лишь бы не купил и не подарил потом султану, лишь бы не обрек на эту проклятую «роксоланью» жизнь! Но слова, как на зло, на ум не шли. Никакие.

– Кому в подарок? – заинтересовался пузатый.

Ибрагим молча пожал плечами.

– Он просто боится, что не справится со мной. Все ищут покорных рабынь. А непокорных – сбавривают кому-то другому.

О, а она и не знала, что помнит итальянский настолько хорошо, чтобы «родить» такую длинную фразу. Может, тетя Аля была права и ей и в самом деле не стоило забрасывать занятия языками? Впрочем, что уж теперь-то говорить.

Довольный ее ответом, толстопузый заржал, поглядывая на Ибрагима. Тот молчал, и выражение его лица не изменилось.

Потом, так же молча, он протянул Докужтуг-аге кошель. Тот жадно схватил – и растерялся. Пересчитать? Вроде бы неприлично. А не пересчитать – боязно. Все это настолько явственно читалось на его физиономии, что Анастасия не выдержала и снова рассмеялась.

– Хюррем, – вдруг сказал Ибрагим и, повернувшись к своему толстому спутнику, повторил: – Я буду звать тебя Хюррем.

– Господин назвал тебя Смеющейся, – укоризненно качая головой, поведал Докужтуг-ага. Сам он ее смеха явно не одобрял.

Что это – насмешка судьбы? Почему она попала в тело именно этой женщины?! Той, которую не понимала, которую осуждала, а может, и презирала слегка. Почему?!

Пожалуй, до того, как было сказано это слово, у нее оставалась какая-то надежда: пронесет. Быть ей обычной толстомясой рабыней, ходить в хамам и объедаться халвой, хурмой и еще какой-нибудь... хренотенью. Скука, лень – но хотя бы никакой подлости. Но вот слово было сказано, и слово это звучало «Хюррем». Безобидное на первый взгляд, оно несло в себе совсем не тот смысл, который вкладывал в него сейчас Ибрагим, который вкладывали в него все, говорящие по-турецки. На самом деле это слово переводилось для Анастасии совсем по-другому. «Или ты, или тебя!» – означало это самое «Хюррем», и так же не хотелось ей этого. Впрочем... Исправить нельзя только тогда, когда уже «все умерли». Настоящая Хюррем добивалась чего-то – и добилась. А она, Анастасия, вовсе не Лисовская. Она – Анастасия Самойлова. Совсем другой человек. И, стало быть, может ставить совсем другие цели и добиваться их. Так что – все в ее руках!

Глава 4

Уже почти месяц она жила в доме у Ибрагима. Одна в своих комнатах. Может, гарем у него и имелся – других девушек она тут не видела. По утрам приходила молчаливая служанка, приносила все для омовения. Потом другая приносила еду. То ли им было запрещено разговаривать с пленницей, то ли они вообще немые были.

Анастасия пыталась что-то спросить, но они двигались словно безмолвные тени и покидали ее покои. Дверь неизменно оставалась закрытой. Окна, забранные густой решеткой, и так были небольшого размера. Может, какой-нибудь форточник и пролез бы, но Стаська, даже со своей мальчишеской фигуркой, – нет.

Правда, решетки были красивые. В прежней жизни Стаську никогда не тянуло рисовать. Сейчас же – не Стаська, уже Анастасия – вдруг почувствовала тягу. Только вот удовлетворить ее, эту тягу, было нечем. Ни карандаша, ни бумаги. Можно, конечно, взять угольки из жаровни и наmaleвать что-нибудь прямо на стене. Ибрагим ей неприятен, но все-таки – не портить же из-за этого стены! В конце концов, она – адекватный человек, а не стерва какая-нибудь.

Она не просила, не говорила никому ничего, но на следующее утро, проснувшись, обнаружила на столике стопочку белых листов и тонкий карандаш в серебряной оправе. Ластика только не было, а с ее «умениями» изобразить что-нибудь, не применяя ластик, было попросту невозможно.

Она спросила у прислуживающей женщины, кто велел принести ей бумагу, та в ответ только развела руками. Собственно, ответ на этот вопрос мог быть только один: Ибрагим. Только вот – почему? Ведь она не просила, ничего никому не говорила, даже просто вслух не произносила...

Догадался? Но как?

Да нет, ни о чем он догадаться не мог. Понятно, что пленница, которая даже поговорить ни с кем не может, скучает. Понятно, что женщина только тем и может заниматься, что рукодельем. Ткацкий станок он ей, к счастью, обеспечить не может, а дать принадлежности для вышивания или вязания, видимо, боится: вдруг пленница с их помощью попытается покончить с собой? Вот поэтому здесь бумага и появилась. Бумага и карандаш – вещи совершенно безвредные.

Наверное, она должна была испытывать к Ибрагиму благодарность за хоть как-то скрашенный «досуг», но – не испытывала. Наоборот, ее охватывало глухое, непонятное раздражение при одном только воспоминании о «хозяине». Впрочем, он ведь говорил, что собирается ее кому-то подарить? Так пускай и дарит поскорее.

С ластиком Анастасия нашла выход из положения достаточно быстро: оставила после завтрака кусок пресной лепешки (тут, к счастью, ее кормили далеко не одними сладостями). Когда та подсохла, с ее помощью попробовала вытереть нанесенную карандашом линию. Кажется, о чем-то таком она читала у Цвейга. Или не у Цвейга? Раньше книги просто глотала, читая почти все подряд, потом хорошо помнила сюжет, но далеко не всегда – название, и уж тем более автора. Сейчас ей было обидно: читала много, а толку – никакого. Ни процитировать что-то к месту, ни просто вспомнить, чьему же перу принадлежит понравившаяся ей фраза. Эх, будь у нее сейчас возможность читать, читать хоть что-нибудь – не было бы такой бессистемности! Книг не хватало. Хоть бери и сама пиши...

Сначала это казалось смешным, и она прогоняла глупые мысли, усаживалась за столик и рисовала все, что придет в голову. Сперва – зайчиков, в которых узнать зайчиков можно было бы только в том случае, если бы рисунок был подписан. Потом – попыталась скопировать узор с решетки. Получилось. Следующий узор придумался сам, да и на бумагу словно сам лег. К концу третьего дня стопка закончилась, а на следующий день она обнаружила еще одну,

в два раза толще. И снова вместо благодарности – рассердилась. Но рисовать продолжила. Неожиданно у нее стали получаться лица. Сперва – Малиша, потом – турок-капитан, старый работороговец со смешным именем, пучеглазый спутник Ибрагима, сам Ибрагим...

В один день вдруг вспомнилось приснившееся ей в последний ее день дома лицо: жесткое, с заметным носом, с вислыми усами. С этим портретом Анастасия провозилась целый день: все время что-то не получалось. Лицо «плыло», ускользало, словно протестовало против того, что его пытались изобразить. Может быть, потому, что этого человека она видела только во сне? Но наконец получился и этот рисунок. Хорошо получился, она чувствовала это. Похоже. Правда, похоже на кого именно – она не знала.

Наутро рисунок исчез. Единственный из всех. Остальные были на месте. Стало быть, в ее комнату кто-то заходил? Ну, заходил-то – понятно кто: хозяин дома. Либо служанка, но опять же по приказанию Ибрагима: без его ведома здесь чихнуть бояться.

Только вот почему он забрал именно этот рисунок? Почему – не свой собственный портрет?

Анастасия посмотрела на портрет Ибрагима. Похоже получилось, и ей даже удалось остаться объективной, не показать своего истинного отношения к «модели». Не понравился хозяину? Возможно. Вообще-то, по идее, рисунки полагалось уничтожить все – ислам все-таки запрещает изображать людей...

Неожиданно для самой себя после исчезновения рисунка Анастасия утратила интерес к рисованию. Вот просто как отрезало! Целый день она бродила по своим покоям туда-сюда, не зная, чем себя занять. Бумага... Карандаш... А рисовать так не хочется!

Больше всего она скучала по книгам. Вот бы прочесть хоть что-нибудь! Пускай уже читаемое-перечитаное! Но даже если бы здесь и сейчас кто-то (об Ибрагиме думать упорно не хотелось) догадался о ее желании, как догадался о желании рисовать, и доставил ей книги, что бы она смогла прочесть? Не понимая ни слова по-турецки...

– Послушай, – обратилась Анастасия к прислужнице, когда та вновь принесла ей еду. – Скажи своему хозяину: пусть разрешит разговаривать со мной!

Прислужница ни единым движением не показала, что поняла или хотя бы услышала. Глухая, или по-русски не понимает, или боится настолько – значения не имело, Анастасия по-прежнему оставалась без собеседников: служанка так же молча вышла. Так же, как обычно, повернулся в двери ключ.

Сволочи! Ждут, пока она настолько отупеет, что сопротивляться уже будет не в состоянии? Так не дождутся!

Она ухватила за карандаш. Читать? «Чукча не читатель, чукча – писатель!» Читать ей нечего, а вот писать – есть что! И пускай это никто не прочтет, пускай! Она сделает это не для кого-то, а для себя самой.

Строки сами ложились на бумагу. И в школе у нее никогда не возникало проблемы с сочинениями, но в школе хотя бы тему какую-то давали, и Анастасии, вернее, тогда еще Стаське казалось, что без заданной темы она ничего написать не сможет. Ан нет – смогла. Почему-то получилась притча.

На юге, в одной благодатной долине, жил Осел. Он являлся ближайшим другом Тигра. Дружба эта заключалась в том, что Осел подсчитывал дань, которую приносили Тигру другие звери. За это часть дани перепала и ему. Наконец Осел решил, что ему перепадает мало. Ведь он завел прислужников и для себя, и всем им надо было чем-то платить.

Вариантов было два: либо начать потихоньку брать большие добычи, только так, чтобы Тигр об этом не узнал, либо – как-то выслужиться перед ним, чтобы Тигр «оценил» своего помощника и сам выделил ему большую долю.

Первый вариант был...

Она задумалась. Разговорное слово «стрёмный» использовать не хотелось. Во-первых – потому, что рассказ ее не смог бы понять... тот, кто его все же прочел бы. Сколько бы она ни убеждала себя, что пишет «только для себя самой», потому что «из нее выплескивается» – надеялась, ой как надеялась, что хозяин дома – да что там скрывать, и ее хозяин, владелец «вещи» по имени Анастасия-Хюррем, – прочтает. И – оскорбится. Потому что если в «литературной ценности» ее «произведения» можно было вполне заслуженно сомневаться, то уж в том, что оно получится достаточно оскорбительным, никаких сомнений не было.

А во-вторых – слово «стрёмный» все-таки не было литературным. И оскорбляло Стаськин вкус. Может, тетя Аля была права и ей надо было идти не в политех, но использовать слово «стрёмный» в литературном тексте она себе позволить не могла.

...вариант был небезопасным. Если бы Тигр узнал, а любая афера рано или поздно раскрывается, Ослу бы не поздоровилось. Пришлось продумывать второй.

Идея созрела быстро. «А подарю-ка я Тигру овцу! – подумал Осел. – Молоденькую беленькую овцу, которая, наверное, будет очень вкусной!» Поскольку питался он исключительно листьями, травой и морковкой, то баранина ему самому была не нужна. А Повелитель обрадуется! И станет выделять любимцу-Ослу куда больше добычи! А, стало быть, Осел сможет нанять себе в услужение еще больше шакалов, гиен и прочих животных.

Но не самому же Ослу ловить овцу! Он совсем не приспособлен к такого рода работе! Зато – помощников хоть отбавляй. И каждый надеется урвать хоть кусочек!

Вот и поручил Осел Волку – старому, со стертými зубами (оплата оплатой, а подстраховаться не мешало: из-за старости Волк уже сам овцу-то съест не мог!) – раздобыть для него овцу. Живую.

Волк раздобыл – и привел к Ослу. Тут бы и исполнить мечту, но у Осла вдруг взвырвало ретивое. Почему он должен отдавать овцу Тигру? Ведь это же его овца! И ничего, что он не сможет ее съесть сам. Зато и Тигр не сможет.

И так он загордился от мысли о том, что Тигр не получит овцу, что потихоньку сам поверил в то, что отбил у Тигра добычу по-настоящему, в честном бою.

Сперва просто привык, а потом обидно стало Ослу, что никто о его победе не знает. И стал он потихоньку рассказывать о ней другим зверям. По секрету. Чтобы Тигр не узнал. Но, конечно же, Тигру донесли, и он задрал Осла. Но есть не стал, ведь мясо у ослов не очень вкусное.

Закончила, прочла – и сама испугалась. Во-первых – взяла и обидела человека ни за что ни про что. Ведь Ибрагим-то ей плохого пока ничего не сделал! Не бил, не изнасиловал. Ну, купил. Ну, не нравится он ей. Но он же не виноват в том, что она, так сказать, органически его не выносит!

С другой стороны, любой человек, прочтя такое и догадавшись, что притча – о нем (а в том, что Ибрагим догадается, у нее почему-то не было никаких сомнений), постарается... отомстить. Доказать, так сказать, что ослы тоже едят мясо, и овец в том числе.

А она и в самом деле овца, если написала такое!

Конечно, правильно было бы уничтожить лист. Сжечь.

Настя разорвала его на несколько частей и сложила под пачку рисунков. Когда принесут жаровню – она его сожжет.

Но исполнить эту задумку ей не удалось: утром мусора на месте не оказалось. Оставалось надеяться на то, что обрывки были достаточно некрупными, на то, что служанка выбросила их, да еще на то, что Ибрагим не умеет читать по-русски. Тем более – тысяча какой там сейчас на дворе? Двадцатый? Даже если он изучал русский – а это предположение само по себе нелепо, – то **именно тот русский**. Которого совершенно (и это, конечно, к счастью!) не знает она.

Но все же она чувствовала себя очень неловко.

Глава 5

С момента написания злополучного рассказа прошло два дня.

Утром после завтрака служанка принесла новую одежду, жестами показала, что Анастасия должна переодеться.

От нехорошего предчувствия заныло сердце. И предчувствие ее не обмануло: выждав ровно столько времени, сколько понадобилось ей для того, чтобы сменить одежду, на пороге возник Ибрагим.

– Сегодня ты отправишься к своему хозяину, – сказал по-итальянски. – Ты понимаешь, о чем я говорю?

Она кивнула. Пристально вглядывалась в неприятное ей лицо, стараясь обнаружить малейший намек на то, что он читал ее притчу. Но лицо грека оставалось бесстрастным.

– Постарайся вести себя не столь дерзко, насколько... насколько захочется. Твоим господином будет великий султан Сулейман. Великий султан не любит слишком дерзких, а ты... У тебя есть все, чтобы стать при великом султани великой султаншей.

Она обалдела. Онемела. Не поверила. Услышала то, что он сказал, или – что хотела услышать? Хотела? Хотела?! Стать султанской наложницей, потом – женой, могущественной Роксоланой?!

Нет, нет! Не надо!

Уже открыла рот – попросить: «Не отдавай!» – и закрыла. Представить, что *ею будет владеть Ибрагим...* От этого прямо кожа покрылась пупырышками. Ничего, в гареме тоже можно... затеряться. Кто его знает, насколько правда то, что если за девять лет султан ни разу не выбрал наложницу «на ночь», то ее могли и замуж выдать, да и счастье ли это – быть выданной замуж в этой стране в это время, но, по крайней мере, кровавой султаншей она точно не станет. Лучше подметать в покоях... Ага, и терпеть щипки и тычки от более удачливых наложниц? Нет, все равно...

– У тебя интересное выражение лица, – сказал вдруг Ибрагим. – Оно так быстро меняется. Но тебе надо научиться следить за лицом. Не нужно, чтобы все видели, о чем ты думаешь. И как относишься к тому или иному человеку.

И вышел.

Станный он какой-то. Неприятный, конечно, но... Вот – грустный такой был. Отчего? И не жаль ли тебе его, Стаська? Пожалуй, что и жаль, особенно когда его нет рядом. Только вот за что его жалеть? Молод, богат, друг султана – если у султанов бывают друзья... Ну ладно, сподвижник. Правда, потом его по приказу султана и задушат. Но это – потом. И не в этой вселенной.

Потом ее долго везли куда-то. А потом... потом ее глазам открылось *это*. Дворец? Крепость? Нет, конечно, она читала о Топкапы, даже и в свою последнюю ночь дома. Но одно дело – читать, а другое – увидеть это своими глазами. Несколько лет назад мама возила Стаську в Крым, и они посетили Бахчисарайский дворец. Так вот, дворец в Бахчисарае по сравнению с Топкапы выглядел как обычная (ну, ладно, пускай трехкомнатная!) квартира по сравнению с московским Кремлем. И по размеру, и по внешнему виду.

Во-первых, это был вовсе не дворец. Ну, по крайней мере – в понимании Стаськи. Ей приходилось посещать разные дворцы Питера – мама считала, что «образованный ребенок обязательно должен побывать», – и маленькую девочку поражали и величественные здания, и ухоженные парки с аккуратными дорожками, и статуи, расставленные, как ей тогда казалось, в совершенно неожиданных местах. Все это было, ну, скажем так, немалого размера. Или осталось таковым в памяти, ведь Стаська была еще совсем ребенком. Например, одним из самых ярких воспоминаний от поездки в Петергоф были поиски скамейки, где бы можно

было отдохнуть, потому что ноги уже отказывались носить. Но в Петергофе это все-таки в большей мере был парк. И – разрозненные строения в нем. А Топкапы производил впечатление единого монолита – несмотря на то, что на самом деле состоял тоже из разных строений, дворики, садики и беседки. Рассмотреть Анастасии не удалось практически ничего – вели ее быстро, – но вместе с тем единое впечатление все же успело сформироваться. Дворец ослеплял, дворец подавлял – попав в него, девушка начала чувствовать себя крохотной песчинкой, унесенным ветром зернышком. Да если бы у нее даже имелись какие-то честолюбивые планы – разве смогла бы сберечь их, попав *сюда*?!

Впервые Анастасия задумалась над тем, что чувствовала та, настоящая Роксолана, когда ее привезли в Топкапы. Кем ощущала себя? Надеялась ли вообще выжить? Ей, Стаське, человеку двадцать первого века (родилась в самом конце двадцатого, но разве это считается?), было не по себе, так она в своей жизни хоть что-то повидала. А каково было пятнадцатилетней девчужке из крохотного городка, где, наверное, каждый поход в церковь считался событием? Оторванной от всего привычного уклада? От мамы?

При мысли о собственной маме на глаза навернулись слезы. Мама-мамулечка, что ж ты теперь делаешь? Знаешь ли ты, где находится твоя дочь? Чувствуешь ли, как ей хреново?

Мама, мамулечка! Вернуться бы обратно, Стаська стала бы самой послушной дочерью в мире... Только нет отсюда возврата, не выпустят ее массивные стены Топкапы. Эх, никому не пожелаешь: мечтать не о том, как бы чего-нибудь добиться, а просто – выжить...

Молчаливый сопровождающий – снова то ли глухонемой, то ли безъязыкий, они тут что, специально таких слуг набирают, что ли? – с поклоном передал ее здоровенному толстому величественному негру. Интересно, как негры здесь-то называются? Есть у турок политкорректность или нет?

Кизляр-ага? Или кизляр-агаси? Как его правильно называть-то?

Успокойся, Настасья, здесь совсем не то место, где испытывают неловкость от того, что не знают, как к человеку обратиться. Смущаются обычно равные равных. А тут... Начальник черных евнухов – человек, да еще какой! Это почти премьер-министр! А она – рабыня, «гаремное мясо».

Мягкая черная рука бесцеремонно взяла ее за подбородок. Вряд ли Анастасия в полной мере осознавала, что делает, это вышло скорее инстинктивно – но она взяла и шлепнула по этой руке. Сильно. А чего, спрашивается, ее за «морду лица» щупать?! Она что, лошадь, что ли? Или собака?

Конечно, ее должны были сразу наказать. Но почему-то было не страшно. И она вызывающе поглядела толстому негру прямо в глаза.

Эти глаза смеялись. А он совсем не страшный! Может, это вовсе и не главный евнух?

От мужчины исходил довольно тяжкий дух. Ароматы – тяжелые, навязчивые, женские – и еще что-то, какая-то неприятная нотка. Впрочем, кто его знает, какими духами положено пользоваться евнуху? Может, их должны как-то легко по запаху отличать...

Впрочем, тут, пожалуй, отличишь. Дворец благоухал весь. Мощные ароматы в некоторых местах смешивались друг с другом, являя миру вовсе уж непотребные запахи. Анастасию чуть не замутило.

Она вообще была чувствительна к запахам, могла с уверенностью сказать, возвращаясь с занятий, что готовят соседи. И запахи дворца ее просто убивали.

Мужчина что-то сказал.

Анастасия пожала плечами. Откуда ей понимать, что он говорит? Интересно, если Ибрагим и в самом деле собирался ее дарить, почему не обучил турецкому языку? Хотел усложнить ей жизнь, гадина ползучая! Ну ничего! Языку она выучится, у нее к языкам талант, как считает тетя Аля. А уж потом...

Придумать, что именно будет «потом», она не успела: чернокожий евнух зна́ком показал ей, чтобы она следовала за ним, и они отправились куда-то по длинным извилистым переходам.

В комнате, куда ее привел предполагаемый кизляр-агаси, находились девушки. Вернее, девчонки лет двенадцати-тринадцати, а несколько – даже и младше. Судя по виду – турчанки. Правда, несколько было сероглазых, а одна – даже светленькая (кстати, именно светленькая потом оказалась настоящей турчанкой). Это была так называемая «школа наложниц».

Уже потом, проучившись здесь некоторое время, Настя узнала: большинство будущих «одалисок» попало в гарем вовсе не таким образом, как она. Это не были выкраденные где-то рабыни – в султанский гарем обычно продавали хороших девочек семи, а то и пяти лет. И тут их обучали всему, что полагалось знать наложнице. В первую очередь, конечно, – как доставить удовольствие мужчине. Плюс – пению, танцам, игре на музыкальных инструментах, этикету, шитью. И даже кулинарии (и это при том, что готовить им вряд ли доведется – ну, разве в том случае, если их выдадут замуж). Ну, «на выходе» получались прямо-таки идеальные женщины. Причем не только в понимании турецких мужчин шестнадцатого века: до сих пор многие считают, что жена должна готовить, ублажать мужа – и молчать, а в этом преимущественно уроки этикета и заключались – как именно правильно и красиво промолчать, чтобы «хозяин и господин» был полностью доволен.

Говорить по-турецки она начала достаточно быстро – просто не было другого выхода. Либо ты разговариваешь, либо – молчишь, и тогда оказываешься в полной изоляции. К тому же Стаське почему-то стало вообще трудно молчать. Нет, не так: она всегда была разговорчивой, а сейчас эта ее особенность «проснулась» с новой силой. Может быть, сказались те недели, которые она провела в «глухом доме» Ибрагима. К концу первой недели она уже могла сказать совсем простые фразы: «Покажи, как ты это делаешь», «Ой, у меня опять не получилось», ну и еще десятка два. Сильно помогло, что в «группе» были две «славяноговорящие» девочки. Правда, они тоже жили здесь уже по несколько лет, поэтому плохо помнили язык.

Впервые Анастасия задумалась над вопросом, на каком же языке говорит она сама. На современном ей русском? Или на том – старославянском? украинском? полупольском? – на котором разговаривала настоящая Роксолана? Та девушка, в чьем теле она оказалась? До сих пор казалось – конечно же, на русском! А сейчас начала сомневаться. Может, и притчу свою написала на том языке, которому сейчас не могла подобрать названия? Да нет, нет! Не надо думать об этом! Она уничтожила записи, порвала на мелкие клочки, а уборщица, конечно же, сожгла мусор... Не думать, а то проще пойти и повеситься, честное слово! Хотя – тут-то не повесишься. Тут, извините, в туалет не сходишь так, чтобы об этом никто не знал. Тут ты – словно под прицелом снайперской винтовки... Да нет, не под прицелом – как под микроскопом.

Правда, девчонки умудрялись как-то сплетничать, секретничать, и при этом были уверены, что делают это действительно «втихаря». У Анастасии все-таки в этом были сомнения. Ей казалось, что у черных евнухов, наблюдавших за жизнью гарема, глаза не то что на затылке, а вообще по всей голове. С другой стороны, и девчонки поделились с ней «страшным секретом», зная который, можно было «учуять» приближение бесполок. Причем «учуять» – в прямом смысле этого слова: евнухи благоухали сложными и весьма мощными ароматами. И причина этого была весьма невеселой.

– Ты что, не знаешь, – подхихикивая, сказала Гюльджан, самая младшая из девочек, – почему они так воняют? У них же нет... Ну, короче, им отрезали все. Ты же знаешь, чем мужчины отличаются от нас, женщин, там? – И, снова стыдливо хихикнув, показала, где именно «там».

Анастасия кивнула. Она-то знала – она, современная девушка восемнадцати лет от роду. А вот откуда, спрашивается, об этом знает одиннадцатилетняя девочка мусульманского воспитания, проданная сюда в шестилетнем возрасте? Но вот – знала.

– Так вот, евнухам вообще все поотрезали. И они, ну... не могут сдержаться. То есть, говорят, они сами не всегда чувствуют. Потому и писаются... словно маленькие детки!

Это было... неожиданно, но Анастасия поняла, что да, именно запах мочи – то, что в первый раз общения с главой черных евнухов она уловила, но не смогла идентифицировать. Ну, что же... Жаль их, конечно, вообще кастрация – бесчеловечная вещь, тем более такая... Но запах, пускай и неприятный, действительно мог помочь... если бы она решила... решила...

Но об этом пока думать было рано.

В школе ей дали новое имя – Рушен. Кажется, это означало «рыжая». Может, правда, и «русая»: для девочек, похоже, эти понятия были совершенно одинаковыми.

Наконец в один из дней – она уже точно не знала, сколько именно находится здесь, – за ней пришли. Молчаливый евнух отвел ее к кизляр-агаси, который сообщил, что ее обучение окончено.

Глава 6

Она стала прислужницей – именно так переводилось с османского слово «одалиска». Горничная, а вовсе не «возлюбленная», как ей почему-то казалось раньше. Да и какие тут могут быть «возлюбленные» – более тысячи теток, тут и в лицо-то не всех запомнишь...

С другой стороны, султан вроде как и не стремился запоминать. Зачем? Попользовался – и попользовался, в следующий раз снова понравилась та же самая – вряд ли султан помнил, что уже проводил с этой наложницей ночь. Вместо него все помнили евнухи. Их тут было много – больше трех сотен. Они были вездесущи, и Анастасия поняла: то, что девчонки в «школе» считают, что от глаз евнухов можно запросто укрыться, – полная ерунда, им просто позволяют пребывать в таком убеждении, поскольку на самом деле пока они только ученицы – они, по большому счету, никого особо не интересуют. А вот взрослые наложницы...

До поры до времени они вроде бы тоже никому не интересны. Ну, подметает тут одна такая – и что? Ну, вторая учит третью танцевать...

Но вот две девицы уединились друг с другом в садовой беседке – как бы это сказать помягче... для удовлетворения сексуального голода. Каждая из них потеряла с султаном девственность (в принципе, по-другому здесь и быть не могло), каждая из них была «в фаворе» пару недель, и потом, понятное дело, каждая была забыта. Вот и развлекались как могли...

Анастасия – нет, уже Рушен – знала, что за измену, «полноценную», так сказать, с участием мужчины, виновную просто зашивали в кожаный мешок и бросали в Богазичи. Об этом читала, считала несправедливым, но это хотя бы объяснить как-то можно было. Но вот как накажут этих двух... дурех? И главное – за что? За то, что молодые, здоровые и секса им не хватает?

Вообще, спрашивается, зачем столько наложниц заводить, если ты их удовлетворять не можешь? Ну ладно, пророк Мухаммед разрешил иметь четыре жены – спишем на то, что южные мужчины горячие и одной жены может быть попросту мало. Да и то, согласно Корану, «кто имеет двух жен и отдает предпочтение одной из них перед другой, тот в День воскресения подвергнется суровой каре». Так что – нужно уделять равное внимание всем. Да и то, насколько она помнила (одна из девушек с их курса вышла замуж за сирийца), все-таки многие мусульмане предпочитали обходиться одной женой, потому что закон предъявлял достаточно суровые требования и к обеспечению мужем своих жен.

Правда, назвать наложниц необеспеченными было нельзя, а вот что касается «предпочтений», то многие из девушек за все время жизни в гареме никогда и не становились любовницами своего «владыки и повелителя». Что этим, спрашивается, делать было? Вроде как существовало правило: девушка, прожившая в султанском гареме девять лет и оставшаяся девушкой, выдавалась замуж с приличным приданным. Такие ходили слухи. Правда, никто из девушек, с кем довелось пообщаться Рушен, таких лично не знал, но, как говорится, «надежда умирает последней».

К счастью, девушек оставили в живых. Раздели до пояса, привязали к столбам и выполили. А остальных заставили смотреть – в назидание.

Что поразило Анастасию – каждая из них сильнее плакала не тогда, когда били, а потом, когда на спины уже были наложены специальные повязки, пропитанные снимающими боль веществами.

Анастасия присела около одной из молодых женщин. Она была венецианкой. Пышной, полногрудой – настоящая красавица эпохи Возрождения. Именно таких изображал на своих картинах Тициан: ходячее торжество плоти. Понятно, что такой без секса было тяжело. Когда-то ее звали Бьянка, здесь она получила имя Гюлесен, что переводилось как «здоровая роза», и это было правильно: девушка и в самом деле была воплощенным здоровьем.

Анастасия осторожно погладила девушку по голове.

– Больно?

– Больно?! – Та лежала на животе, но сумела-таки задрать голову и посмотреть на Рушен. – Больно?! Разве это важно?

– А что важно? – растерялась Анастасия. Хотя глупый вопрос: Гюлесен наверняка чувствует себя еще и униженной – и из-за публичной порки, и из-за того, что ее застукали за таким занятием...

Ответ женщины ее удивил.

– Но мне ведь теперь никогда не попасть к нему! – прорыдала Гюлесен. – Понимаешь, никогда!

«Никогда» – это было понятно. Только вот никогда не попасть – к кому?

– К не-е-му! – Она снова зарыдала.

На вопрос ответил один из евнухов:

– Битые плетью к султану попасть не могут, – равнодушно обронил он, идя мимо.

Гюлесен, на пару секунд оторвавшая голову от подушки, снова вжалась в нее всем лицом и зарыдала с новой силой.

Анастасия встала. Она ничем не могла утешить молодую женщину.

Шаркая ногами, подошел другой евнух. При его виде Рушен не смогла сдержать усмешки: его звали Барыш, и одного этого факта хватало, чтобы вернуть ей веселое настроение.

– Пойдем, – потянул он ее за руку.

– Куда?

– Не велено говорить. – И тут же, склонив голову к ее уху, прошептал: – Валиде хочет посмотреть пополнение.

Барыша все любили. Он обладал мягким характером, за это и получил такое имя¹. Он часто рассказывал девушкам гаремные сплетни, показывал, как плести браслетики из волос и цветных ниток, помогал с нанесением макияжа. Словом, от остальных евнухов он заметно отличался в лучшую сторону – остальные обладали достаточно сварливыми характерами, и когда начинали браниться, особенно друг с другом, здорово напоминали базарных баб.

Кстати, большинство евнухов носили цветочные имена, которые на фоне их склочности звучали достаточно нелепо. Ругающиеся Гиацинт и Нарцисс – это уже черный юмор какой-то. Да еще прибавить сюда далеко не привлекательную внешность...

Девчонки объяснили: безобразные евнухи ценятся гораздо дороже. Это дополнительная гарантия, что в такого евнуха не влюбится ни одна из одалисок – как будто тут кого-то интересовали их чувства! А что касается «плотских удовольствий», то несчастные и так являются полностью безопасными со всех точек зрения. Кроме того, непривлекательные евнухи неинтересны и друг другу (а привлекательные, что ли, интересны?). Сочетание покалеченной судьбы и неприятной внешности порой делало поведение черных евнухов просто невыносимым.

А Барыш-ага умудрялся ладить не только с девочками, но и с другими евнухами. Красивым его тоже сложно было назвать – даже с большой-большой натяжкой, – но физиономия его была настолько доброй, а улыбка так красила его похожее на блин лицо, что многие девушки, чмокая Барыша в щеку, совершенно чистосердечно называли его красавчиком.

– Веди себя прилично, – шепнул ей на ухо Барыш, и его круглая добрая физиономия расплылась в улыбке. – Ты такая красивая! Я хочу, чтобы ты была счастлива! А чтобы здесь быть счастливой, нужно понравиться не столько султану, сколько валиде. Именно она здесь всем управляет.

– Вот еще! – фыркнула Рушен. – Не хочу я никому нравиться! Мне и так хорошо.

---

¹ Барыш – мирный (*тур.*).

– Не понравишься валиде – будет плохо, – покачал круглой головой Барыш. – Ай-ай, как плохо! Валиде – серьезная женщина! Она тут самая главная!

– Султан что – маменькин сынок?! – фыркнула Рушен.

Барыш часто-часто закивал:

– У нас тут так... Всегда тут так было! Валиде воспитывают султанов, и те привязаны к своим матерям куда больше, чем к кому бы то ни было другому.

Да, что-то такое она читала... Кажется, султанские сыновья становились наместниками в провинциях, и мать жила при сыне-наместнике, участвовала в его обучении и помогала править. А забыла потому, что по гарему бегали маленькие сыновья Сулеймана: шехзаде Мурад от польской жены Гюльфем-хатун, веселый и ласковый мальчишка лет шести-семи, примерно такой же по возрасту шехзаде Махмуд от Фюлане-хатун – смуглый, быстрый, похожий на породистого арабского жеребенка, шехзаде Мустафа – вдумчивый и очень красивый ребенок лет пяти, его младший брат Ахмед с постоянно оттопыренной нижней губой, оба – дети возлюбленной супруги Махидевран. Все пока жили во дворце, и, наверное, султан виделся с каждым из малышей. Смешно: пока ребенок маленький – он растет при отце, а когда становится постарше и когда ему отцовское внимание нужнее всего – его воспитанием занимается одна только мать.

– И, главное, не смейся! Тебе все смешно! Ты смеешься слишком много, а валиде такие не нравятся.

Вот еще! Не нравятся ей смешливые – стало быть, она, Рушен, и будет смеяться в ответ на каждое слово.

Покои, в которых жила валиде, Рушен не понравились. То ли хозяйка все время мерзла, то ли просто была поклонницей меха, но меха здесь были повсюду: на полу, на креслах, на низких тахтах. А сверху еще и ковры лежали – куда ж без них, тут даже покои обычных слуганок были коврами завешаны.

В результате получалось аляповато. В голову сразу пришла незабвенная Эллочка-людоедка из романа «Двенадцать стульев». Правда, тут на стене картинки из журналов не висели, но это, может, потому, что журналов еще не издавали.

Она стояла посреди комнаты и внимательно рассматривала убранство. Что еще, спрашивается, делать, если ты тут одна? Кстати, почему она одна? Барыш сказал: «Валиде желает рассмотреть пополнение». Но «пополнение» – это явно не одна Рушен.

– Нравится? – раздалось за спиной.

Рушен повернулась. В комнату важно вплывала невысокая женщина, должно быть – одна из доверенных женщин при валиде.

– Нет, – усмехнулась Рушен.

– Ты понимаешь, о чем я спросила?

– Я понимаю, о чем вы спросили, – неожиданно рассердившись, Анастасия не смогла, да и не захотела сдерживаться. – Иначе я бы не стала отвечать на ваш вопрос. А вот вы понимаете, что я ответила? Я сказала, что мне здесь не нравится.

Черные тонкие брови взлетели высоко.

– Ты наглая. Это хорошо.

Анастасия дернула плечом и хмыкнула. Ну вот, и тут нахальство – второе счастье.

– Что-то хочешь спросить?

Ага, у нее вопросов – просто завались, только кого спрашивать-то? Вот эту тетку? Завести с ней, что ли, диспут по поводу какой-нибудь главы Корана? А то она только его в последнее время и читает (другой «литературы» ей просто не дали), а обсудить не с кем: девчонки в гареме с большим удовольствием обсуждают новую сурьму для глаз или то, какой рисунок хной лучше нанести.

– Меня вызывали к валиде...

– Тебя *привели* к валиде.

А, ну да. Разумное замечание. Вызывать можно пусть подчиненного – но человека. А они тут – простое мясо, хранящееся на случай, если султану вдруг понадобится тот или иной кусок. Но как мягко, и вместе с тем отчетливо эта нестарая еще тетка дала Рушен это понять!

– Ну, чего ты хочешь?

Вот, блин, джинн нашелся. «Домой хочу!» – «Ну так пошли!»

Она пожала плечами и усмехнулась.

– Или тебя все устраивает?

– А если меня ничего не устраивает, тогда что?

Что эта тетка от нее хочет? Пускай уже ведет ее к валиде, да и дело с концом.

Дверь распахнулась, и еще один черный евнух буквально вполз на карачках.

– Пресветлая валиде, к вам – Махидевран-султан.

– Пусть войдет! – властно кивнула женщина.

Валиде?! Вот эта вот женщина, еще довольно молодая, – мать султана Сулеймана?!

Да по виду она не старше мамы самой Рушен! Ну, то есть Анастасии... Впрочем, ей, кажется, на момент вступления сына на престол было чуть больше сорока, кажется, сорок один, что ли... Знала – а все равно ожидала увидеть старуху, ведь женщины тогда старились гораздо раньше.

Рушен перевела взгляд на валиде Хафсу; та стояла боком и все равно почувствовала взгляд – моментально обернулась, раздула хищные ноздри небольшого породистого носа.

Рушен улыбнулась. Не заискивающе, не просительно – как равная равной.

Черные брови-шнурочки снова взлетели вверх и тут же моментально спустились на положенное место: в комнату в сопровождении достаточно большой свиты входила любимая жена Сулеймана, Махидевран.

По прошлой жизни у Насти сложилось о Махидевран определенное впечатление-воспоминание: толстая, самодовольная, нагловатая. А тут глянула – и остолбенела. Никогда не видела столь совершенной красоты.

Тонкие брови четкого и смелого рисунка, густые кудри – не черные, а темно-каштановые, с каким-то слегка красноватым отливом, что ли. Огромные глаза – два озерца мазута. И четко очерченный капризный рот.

Толстая? Да ни в коем случае! Округлая, очень женственная фигура. Единственное что – украшений, пожалуй, все-таки многовато, да и не сочетаются они друг с другом. То, что гаремные девчонки напяливали на себя все, что имели, было понятно: у кого-то – один браслет, а у меня целых два, и я всем это непременно покажу!

Но Махидевран могла иметь, да и имела, судя по всему, любые украшения, и подобрать их, безусловно, можно было со вкусом. Вон Гюльфем, польская жена, одета была не менее роскошно, но с куда большим вкусом.

Рушен перевела взгляд на валиде и вдруг поняла, что они похожи: молодая (не старше самой Рушен, ну разве что года на два – на три) черкешенка и зрелая крымская татарка. Похожи не внешне: у валиде лицо пожестче, глаза поменьше, губы заметно потоньше, и вообще, валиде напоминала ястреба, Махидевран – домашнюю кошку, ленивую, но готовую в любой момент вцепиться когтями в лицо. Наверное, эта «хищность» и делала их схожими.

И именно эта схожесть делала их врагами. Они были *слишком* похожи, чтобы хорошо относиться друг к другу. У валиде была реальная власть, и она откровенно гордилась этим.

У Махидевран была реальная власть над султаном, она гордилась этим – но вместе с тем завидовала валиде, поскольку ей нужно было не меньше власти. Как говорится, «хочет быть владицей морскою, чтобы жить ей в Окияне-море, чтобы ты сама ей служила и была у ней на посылках».

Махидевран что-то возмущенно сказала – Рушен не вслушивалась, не имела обыкновения слушать то, что для ее ушей не предназначалось.

Валиде тихо ответила. Но черкешенка сдерживаться не умела и не хотела.

– Он спит с этой девкой уже четыре недели! Четыре недели!

Она проорала это, брызгая слюной, и разорвала какую-то тряпочку, которую держала в руках. Обрывки полетели на пол, а Махидевран зарыдала.

– Уймись! – резко бросила валиде.

– Вам ли говорить?! – прокричала Махидевран. – Вам ли советовать мне это?! Да вас ваш муж никогда не любил, а мой меня любит, любит! И если бы эта мерзкая тварь не влезла...

Пятнистое лицо, злые глаза, слюнявый рот – куда только подевалась величественная красавица, вплывшая в комнату всего несколько минут назад! Перед Анастасией, перед валиде и, главное, перед свитой была не разъяренная тигрица, а какая-то... драная кошка. До того как стать Махидевран, она звалась Гюльбахар – «весенней розой», и насколько в это легко было поверить, когда только входила в комнату, настолько это казалось абсурдным сейчас.

– Не любил, и вы...

Быстрая, короткая затрещина не дала ей договорить. При этом выражение лица валиде не изменилось: так и осталось приветливо-безразличным.

Султанская жена «проглотила» пощечину, отвешенную ей султанской матерью; только щеку, на которой ярко отпечатались следы пальцев, слегка потерла, потом с удивлением поглядела на свои пальцы – на них была кровь: на пальцах валиде были перстни, а пощечину она влепила, не сдерживая силы.

– Мои взаимоотношения с мужем – это не твоих куриных мозгов дело, – ровным тоном сообщила валиде. – Ты со своим разберись.

– Это вы ее к нему подослали... – неуверенно начала Махидевран.

Валиде Хафса задрала подбородок – всего на несколько сантиметров, но их хватило, чтобы невестка заткнулась.

А потом вдруг Махидевран увидела Рушен, стоящую у окна.

– А это кто? – Палец, увенчанный длинным алым ногтем, вдруг оказался слишком близко от лица Анастасии – она едва удержалась от того, чтобы не отшатнуться. – Еще одна потаскушка, которую вы хотите подсунуть в постель моего мужа?!

Тело среагировало быстрее головы – Анастасия еще толком не поняла, что делает, а рука уже впечаталась в щеку султанши. Пожалуй, захоти эта женщина – она легко могла бы отмутузить Анастасию, как минимум потому, что весила килограммов на пятнадцать больше. Но она не успела: сперва обалдела, потому как такой реакции никоим образом не ожидала, а через несколько секунд, когда уже пришла в себя – просто не смогла: ее за руки держали двое здоровенных черных евнухов.

– Ты спрашиваешь, кто это? – снова совершенно ровным тоном сказала валиде. – Так это твоя соперница.

Евнухи вытащили упирающуюся Махидевран из комнаты, следом неслышно растворилась ее свита.

А Рушен расхохоталась. Она смеялась до слез, не имея представления, чему именно смеется, но и остановиться не могла. Скорее всего, это была истерика, только некоторые рыдают, а некоторые – ржут.

– Ты слишком много смеешься, – сказала валиде. Неодобрительно? Да нет, вроде нейтрально. – Ты знаешь, что Мухаммед никогда не смеялся?

– А я не правоверная, – отрезала Анастасия. – Мой бог умеет смеяться.

– Твой Иса тоже не смеялся, – ответила Айше Хафса, но несколько неуверенно.

– Иисус – сын Бога. А сам Бог... Думаю, если он создал все это – она обвела рукой по кругу, – то у него было прекрасное чувство юмора. И, глядя на все это, он не мог не смеяться.

Хафса молчала и, сузив глаза, смотрела на нее.

– Ты странная девушка, – сказала она наконец. – Впрочем, подарок – как раз в стиле Ибрагима. Иди и выпишь как следует. Завтра ты будешь танцевать для султана. Надеюсь, тебя научили танцевать? Или, может быть, споешь? Говорят, ты не поешь, когда вышиваешь, в отличие от остальных девушек.

Анастасия усмехнулась. Не поет... Когда-то давно прабабушка учила ее вышивать и сказала, что раньше девушки собирались для рукоделия в одной хате и всегда пели что-то протяжное. Маленькая Стаська, добросовестно тыкая иглой в полотно и немилосердно стягивая его стежками, пела единственную протяжную песню, которую знала – песню про крейсер «Аврора» (мама была любительницей старых советских мультиков и дочь вырастила на них же).

– Почему ты не отвечаешь? Тебя как звать-то?

– Анастасия, – ответила девушка. Она прекрасно знала, что валиде в курсе, как ее зовут здесь, и именно поэтому назвала свое *настоящее* имя.

– Тебя зовут Рушен, – не стала скрывать свою осведомленность валиде. – Волосы у тебя и в самом деле великолепные. Жаль, что... Впрочем, не важно. Волосы красивые, но такие не у тебя одной. Тебе надо имя, по которому можно будет легко определить именно тебя. Будешь... Теперь ты будешь Хюррем. Потому что так, как ты, уж точно никто не смеется.

Вот и понимай после этого: осуждает валиде смех или нет?

Так и не разгадав этой загадки, новоиспеченная Хюррем отправилась спать.

Глава 7

Почему, ну, почему все тут считают, что она мечтает непременно понравиться султану? Как можно мечтать понравиться человеку, которого еще в глаза не видела?

Валиде Хафса предупредила – как будто о самом значимом в ее жизни событии.

Евнух Барыш – первым поздравил, как будто у двери подслушивал. Впрочем, в том, что евнухи узнавали во дворце все самыми первыми, не было ничего удивительного.

И даже бывшая Бьянка, носившая сейчас имя Гюлесен, сказала:

– Хочешь, я научу тебя, как более соблазнительно двигать бедрами? Хотя какие у тебя бедра... Зато грудь красивая! Слушай, тебе нужно что-нибудь такое надеть, чтобы грудь как можно соблазнительнее выглядела. Я, кажется, у Арзу видела... Нет, тебе не подойдет, большое будет... Почему только ты такая тощая? Ага, вспомнила...

Она убежала куда-то и принесла бархатную короткую, до талии, безрукавку с низким вырезом. Безрукавка больше всего походила на жилет алжирских пиратов – по крайней мере, Анастасии из какого-то фильма, а то и из мультика помнилась именно такая картинка: загорелый мореплаватель на носу судна, одетый в широченные шаровары, обмотанный широким алым поясом, а на широкой груди распахнут бархатный короткий жилет...

Кажется, на самом деле такое полагалось носить поверх рубашки, но Гюлесен, видимо, предполагала, что Хюррем наденет безрукавку на голое тело.

– Слушай, а тебе-то какая разница, понравлюсь я султану или нет?

– Честно? Я хочу насолить этой козе драной, Гюльбахар! Понимаешь? Мы ведь с ней попали сюда почти одновременно! И я Сулейману понравилась сперва даже больше! А эта гадюка... Понимаешь, она забеременела, а я – нет. Но я знала, знала, что я тоже смогу! И я ждала! И вот наконец, когда ей пришла пора рожать, меня снова позвали в покои султана! Раз и второй... А потом я поняла, что забеременела, и пошла сама к господину... Так не полагается, но я хотела, чтобы первым эту весть услышал он... А господина там не было, зато была эта... розочка! И она меня избила, избила так, что я потеряла сперва сознание, а потом и свое дитя. А эта... гюрза представила так, будто я больная, и султан больше не захотел меня видеть!

– погоди, – опешила Анастасия. – Но ведь лекари знали, что с тобой случилось?

– Лекари знали, – скривилась Гюлесен. – Но разве султану есть дело до наших хворей? Он поверил тому, что ему напела в уши эта гадюка.

Анастасия покачала головой. У нее не было слов. Конечно, потеря ребенка – это трагедия, трагедия жуткая, но и Гюльбахар-Махидевран понять можно было: она сражалась за свою любовь... Впрочем, за любовь ли? Или – за власть? При воспоминании о вчерашнем инциденте во второе как-то больше верилось.

Гюлесен, конечно, спасибо, в основном за то, что правду сказала, а не стала сочинять историю о том, что хочет помочь любимой подруге. Только она, Стаська-Анастасия-Хюррем, вовсе не Гюльбахар и не стремится носить гордое имя Хозяйки века.

Танцы вам подавай? Будут вам танцы! Жилетку она наденет поверх рубашки, как и полагается, и шаровары наденет... О, они, кстати, похожи на штаны для хип-хопа. Стало быть, хип-хоп она и станцует. Она, конечно, не специалистка – так, пробовала свои силы, не более того, но здесь знатоков нет, критиковать некому. Зато после такого танца она уж точно будет султану и через порог не нужна. Тут все завлекают своей женственностью, а в стрит-стайле – какая женственность? Особенно в ее, Стаськином, исполнении.

Музыки подходящей нет? Да и не надо. Нужно только, чтобы евнух бил в барабан. Только надо попросить кого-то другого, не Барыша. Его жалко, а ведь за такую выдумку наложницы могут наказать и ее «музыкального сопровождаителя».

– Я хотела тебя попросить, Барыш...

– Да, конечно же! – Круглое черное лицо просияло. – Я буду бить в барабан, а ты станешь танцевать, верно? И султан выберет тебя!

Ну и что тут сказать? Что она не хочет, чтобы с барабаном был именно Барыш? Разве можно так обидеть его?

А с другой стороны – что страшнее: обидеть или подставить?

– Барыш, милый, но я вовсе не хочу понравиться султану!

От возмущения он аж отодвинулся:

– О таком не то что говорить – о таком думать нельзя! Ты что? Нет, ты станцуеть как надо и понравишься всем!

– Барыш, я не хочу, чтобы меня выбрал султан...

– Не хочу ничего слушать! – И он заткнул уши пальцами.

Ну что же, она честно пыталась предупредить. И потом – может, их еще и не накажут. Вряд ли кому-то может прийти в голову, что девушка *специально* старается *не понравиться*. Их менталитет не способен такую мысль даже породить. Просто решат, что девица – неумеха и мужичка... Вот и пусть. Так что – прокачаем хопчик!

Некоторые девушки тоже готовились. Анастасия заметила, как одна мажет брови какой-то жидкостью.

– Вот дура, да? – заметив, куда смотрит Анастасия, вполголоса произнесла Гюлесен. – Раньше надо было делать, а не за один день!

– А что она делает?

– Мажется усьмой.

Слово было незнакомым.

– А что такое эта усьма?

– Ты не знаешь?! – Огромные голубые глаза под безупречными ресницами распахнулись и стали еще больше. – Это же такое средство, чтобы брови были четкими и красивыми!

– Краска, что ли? – не поняла Анастасия.

– Да какая краска! Я же говорю – специальный сок из растения, чтобы брови и ресницы росли густыми. Где надо, чтобы волосы росли, мажут усьмой, а потом там начинают волосы расти. А ты думала, у них от природы такие? Ха!

– Ты тоже мазала?

– Я?! – Гюлесен презрительно передернула полными плечами. – У меня брови свои, природные! Ресницы, правда, мазала... Скажи, правда ведь у меня красивые ресницы?

Анастасия согласно кивнула. Она сейчас была готова согласиться с чем угодно, лишь бы ее оставили в покое.

– И тебе надо мазать! – решила Гюлесен. – А то у тебя брови слишком далеко друг от друга начинаются! Конечно, не надо, как у этих придурочных, одну сплошную бровь делать, но все же лучше, чтобы поближе начинались. Знаешь, ведь существует такое поверье: чем ближе брови друг к другу – тем ближе к тебе будет твой муж!

Господи, и это – в гареме! Какой такой муж?! Султан, что ли? Ближе? Какой бред!

– Хочешь, я для тебя достану?

– Спасибо, но не надо. Мне и так нравится.

– Мы должны нравиться не сами себе, а мужчине, – наставительно сказала Гюлесен.

Анастасия рассмеялась:

– Султан, может, меня и не увидит никогда. Я хочу нравиться самой себе.

Она оглядывала сад в надежде увидеть султана, но так и не увидела. А что, если его не будет? Второй раз тот же самый номер не прокатит. Но и переделывать танец уже не было времени. Что же, что наметила – то и будет танцевать.

Чья-то рука вытолкнула ее из толпы девушек. Чья-то? Барыш, конечно же. Вон, прямо сияет от радости!

Черная рука покрутила колотушку и принялась отбивать ритм, а Хюррем-Рушен – нет, сейчас просто девочка Стаська – начала танец. Сперва ее порадовало недоумение, возникшее на лицах тех, кто стоял поближе, потом танец захватил ее полностью.

Наверное, Барыш был тоже удивлен странными движениями своей воспитанницы, но продолжал бить в барабан исправно, не сбиваясь с ритма.

Наконец Анастасия почувствовала, что запыхалась, и махнула евнуху рукой: прекращай.

Он послушно замолк.

Анастасия стащила с головы импровизированную кепку, помахала рукой перед собой – как будто в руке была мушкетерская шляпа – и поклонилась молчаливым наблюдательницам. Ну, что, съели?

И тут краем глаза она заметила султана: он сидел в беседке, за решеткой из тонких прутьев, и пристально наблюдал за ней.

Ага, все видел. Вот и хорошо! Стало быть, она танцевала не зря. Правда, теперь Ибрагиму попадет – за то, что такой негодящий подарок подсунул, но его жалко не было. «Так ему и надо!» – злорадно подумала Анастасия, вызывая в памяти облик неприятного ей человека, и так увлеклась, что не сразу поняла: кто-то дергает ее за руку.

Это был еще кизляр-агаси.

– Великий султан дарует тебе вот это и благодарит за танец...

Султан в своей беседке сделал какой-то жест, и глава евнухов с явным неудовольствием поправился:

– Благодарит за истинное наслаждение, которое ты смогла доставить ему своим танцем.

Ну, вот вам и здравствуйте!

Она настолько растерялась, что сразу даже не поняла, что это суют ей в руку. Тонкий газовый шарф с вышивкой и перстень. Зачем? А, да, кизляр-агаси сказал: подарок...

– Перстень оставишь себе, а шаль вернешь султану.

Глава 8

Хорошенький подарок – вернуть надо... Причем понятно, каким именно образом. В свою комнату она вернулась хмурой.

То, чего пыталась избежать любой ценой, случилось. Она понравилась султану. И что же делать теперь?

До сих пор она считала, что настоящая Роксолана из всех сил стремилась понравиться султану, потому у нее и получилось. А вот на тебе – она-то не старалась, даже, вернее, старалась наоборот – а все равно выбрали именно ее. Что это – судьба? Какое противное слово...

«Звезды руководят слабыми, сильные двигают звездами». Кто это сказал, она не помнила, да и в точности цитаты не была уверена, но до сих пор была абсолютно уверена в ее справедливости. Впрочем, разве сегодняшний результат не стал последствием ее поступка? Сидела бы и не высывалась – так никто бы и не заметил. Так нет, повыпендриваться захотелось. Довыпендривалась, что называется.

Прирезать его, что ли?

Она сама удивилась такой мысли, а также тому, что никаких эмоций при этом не испытала. Раньше думала: ну, в запале, может, и способна кого-нибудь убить. Сейчас мысль была совершенно спокойной, холодной, лишенной даже намека на эмоцию.

Ее вымыли и перевели ей волосы жемчужными нитями – по мнению распорядительницы, кетхуды-хатун, это должно было подчеркнуть цвет волос Хюррем (самой Анастасии казалось, что ей бы больше пошли изумруды – рыжим идет зеленое, но сейчас ей было все равно). Потом распорядительница принесла косметику.

– Ногти красить не буду. И глаза тоже.

От такой наглости кетхуда-хатун просто обалдела:

– Что значит – не будешь? Это оскорбление светлейшего султана!

– Видел меня такой, – упрямо поджала губы Анастасия. – Выбрал такой. Хочу, чтобы видел, что это я.

Кетхуда-хатун несколько секунд глядела на нее через зеркало, потом выражение ее лица поменялось с растерянного на довольное. Ну еще бы, эта рыжая славянская дуреха сама отказывается от своего счастья, не понравится султану ночь с ней – больше и не вызовет к себе ни разу!

– Может, ты и аромат сама выберешь?

А и выберет, что тут такого!

Когда сандалом благоухают пышногрудые и крутобедрые «однобровые» красавицы – это правильно. Но когда рыжая, да еще и с мальчишеской фигурой...

«Рыжий, словно апельсины на снегу». Масло апельсина – именно то, что ей надо. Горьковатый запах – так в гареме наверняка никто больше не пахнет...

И только перед самой дверью султанской опочивальни до нее дошло: она все-таки выбрала аромат, чтобы привлечь, а не чтобы оттолкнуть. Хотела подчеркнуть свою непохожесть на всех этих восточных красавиц, свою индивидуальность... Дура! Впрочем, как говорил муж тети Инны, «баба – она баба и есть».

В «приемной» – это слово, конечно, абсолютно не подходило, но другое упорно не лезло в голову – дежурила сумрачная усатая старуха. Наверное, мажет себе усы этой самой усьмой. Почти каламбур получился, но смеяться почему-то не хотелось.

Кизляр-агаси что-то сказал, но она не услышала. Не задумалась – голова была совершенно пустой, даже немного вроде бы гудела, как будто вместо нее был колокол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.